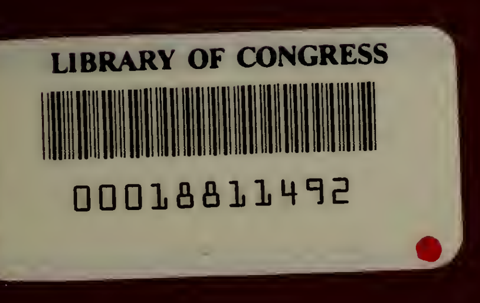
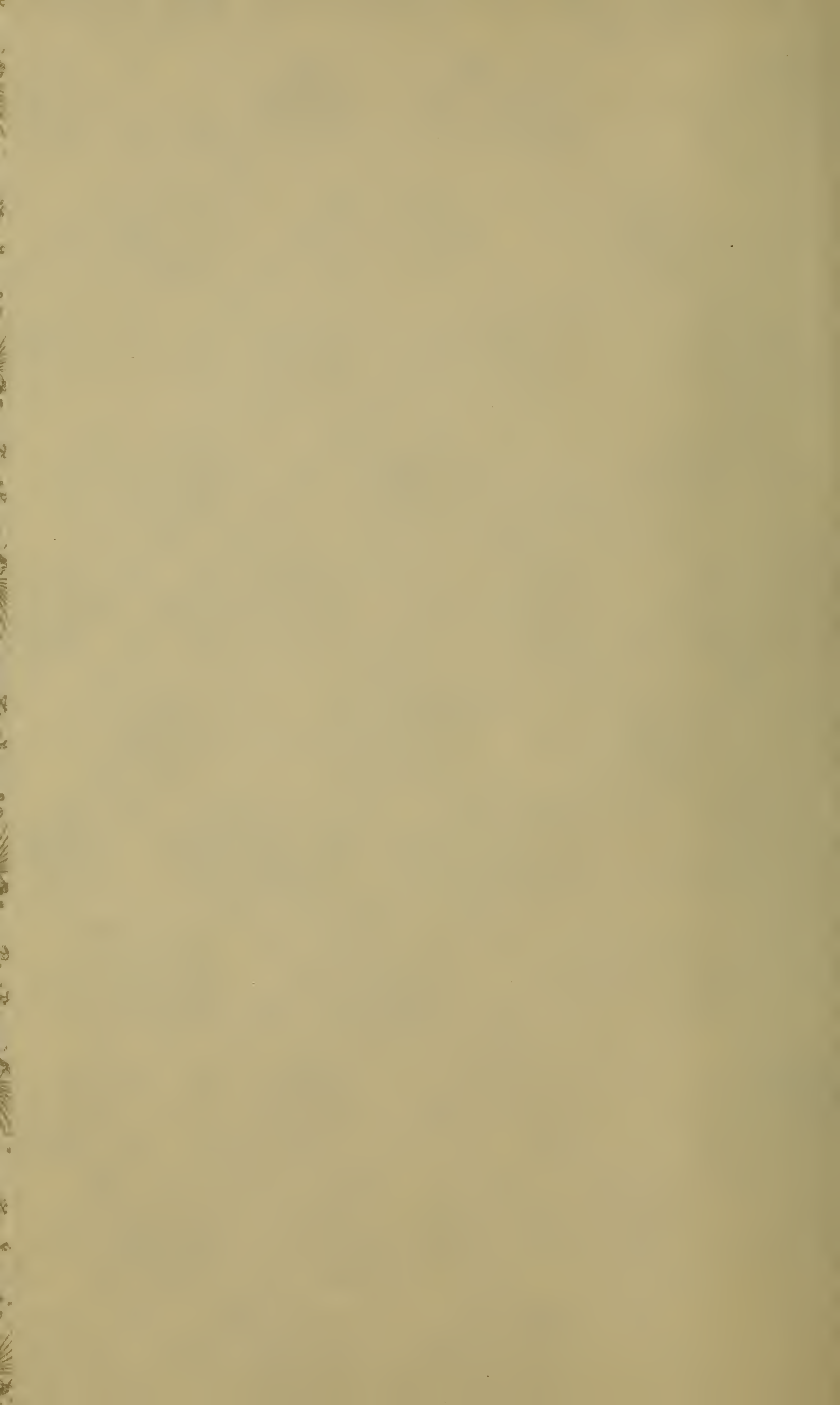

LIBRARY OF CONGRESS
00018811492

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ЕРМАКЪ ТИМОѲЕИЧЪ

или

ВОЛГА и СИБИРЬ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

=

СОЧИНЕНІЕ

Н. А. ПОЛЕВАГО.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографіи Карла Крайя.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 28-го Февраля 1845.

Цензоръ А. Мехелинъ.

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ

РИКОРДУ,

НА ПАМЯТЬ НЕИЗМѢННАГО ПОЧТЕНІЯ И ПРЕДАННОСТИ

посвящаетъ

Николай Полевой.

1845 года,
Января 31.

ЕРМАКЪ ТИМОѲЕИЧЪ

или

ВОЛГА И СИБИРЬ.

Представлено въ первый разъ въ С. Петербургѣ, на Императорскомъ Александринскомъ-Театрѣ, 1845 года, Февраля 15-го.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЛГА-МАТУШКА.

До поднятія занавѣсы, окончаніе увертюры сливается съ русскою пѣснею: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.» Занавѣсъ поднимается. Высокій, лѣсистый берегъ Волги, который съ обѣихъ сторонъ сходитъ къ срединѣ, гдѣ видны волны рѣки. Въ сторонѣ разложенъ огонь, и на немъ виситъ котелъ на треногѣ. Кругомъ разбросаны оружіе, одежды, фляги. Разбойники сидятъ, лежатъ, пьютъ. Пѣсня понемногу стихаетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КОЛЬЦО, КУЗЬМА, МИТЬКА, РАЗБОЙНИКИ.

КУЗЬМА.

Эхъ! Волга-матушка, кормилица родная,
Раздольный путь съ полночной стороны!
Не по тебѣ-ли воля удалая,
Во дни привольной старины,
На челнокѣ ушкуйника Прокопа,
Да на ладьѣ донскаго казака,
Водила русскихъ молодцовъ далеко,

Въ Ширвань, и въ Шемаханскій край, и въ Астрабатъ?
Прошло ты, времячко! На матушку на Волгу,
Царь Грозный руку наложилъ —
Загородилъ рѣку — Казань поставилъ тамъ,
Тутъ Астрахань.... Эхъ! вспомнишь, да и охнешь!

МИТЬКА.

И то́ сказать вѣдь, дѣдушка Кузьма:
Народъ сталъ хилый! Вотъ теперь у каши
Храбрится всякій, а какъ надо постоять,
Да кистенемъ махнуть, да на потѣху
Пустить по Волгѣ селезня, либо въ село
Забраться съ краснымъ пѣтухомъ....

КОЛЬЦО.

Пугнуть бабье?
Тутъ Митька кашеваръ куда удалъ,
А особливо, если чарка зеленова
Его башку поразогрѣетъ!

(*Всѣ смѣются.*)

МИТЬКА.

Да, да, толкуй! Что́, двуголовый что-ли я?
Сорвутъ голубушку — другой не приклеишь!

КОЛЬЦО.

Ну, о твоей башкѣ что́ толковать!
Сорвутъ — бѣда не велика, а вотъ....

МИТЬКА.

Что́: вотъ? Нѣтъ, есаулъ — я головы моей
Ни на какую промѣнять не захочу.

КОЛЬЦО.

А отъ-чего-бы такъ?

МИТЬКА.

Да, отъ того,
Что такъ она тутъ плотно приросла....

КОЛЬЦО.

Ну, да на мѣстѣ ли тутъ приросла она —
Задача! (*Смѣются.*)

КУЗЬМА.

Да, и какъ его на Волгу занесло!

МИТЬКА.

Вотъ: какъ на Волгу занесло! Да, такъ — хмѣлина
Кабацкая, да удаль молодецкая! Молва
Ходила, что на Волгѣ удальцы
Живутъ разгульно — тамъ, дескать, вина
Пей не хочу, а ѣства стерляди, да лебедь,
А золота и куры не клюютъ — одежа
Атласъ, да соболь, бархатъ, да парча....

КУЗЬМА

Такъ и бывало въ старину, когда по Волгѣ,
Ни Армянинъ носастый, ни Татаринъ бритый,
Ни Русской борода-аршинникъ проѣзжать
Не смѣли — заплати — не то *сарынъ на кичку!*
Дѣлись виномъ, и золотомъ и узорочьемъ,
Аль молодца на вѣничкахъ поджаримъ,
Въ холодной банѣ искупаемъ — будь
Семи пядей во лбу, бояринъ, воевода,
Мурза — хоть чортъ съ рогами.... Съ горя
Налей-ка! (*Пьетъ.*)

КОЛЬЦО.

Да, теперь плоха расплата!
Ни взадъ и ни впередъ — загналъ и насъ въ трущобу
Иванъ Степановичъ Мурашкинъ, царскій воевода....
Оно и правда — распорядокъ царскій
Къ добру ведетъ....

КУЗЬМА.

Ну, а ужъ подъ распорядокъ
Кузьма Өедотовъ не пойдетъ.... Двадцатый годъ,
Какъ я ушелъ на Волгу, и въ раздольи
Вѣкъ прожилъ, такъ въ неволю не хочу.
Мурашкину задáлъ-бы я такихъ мурашекъ....
Вишь вздумалъ астраханскій воевода,
Наслалъ указы — вольницѣ не быть!
Чтó мы, другимъ мѣшаемъ чтó-ли?
Вольно-же Бѣлому Царю — сперва насъ съ Дону
Согналъ, потомъ и съ Волги гонитъ....

КОЛЬЦО.

Ты, Кузьма, чтó хочешь говори,
А о Царѣ ни слова говорить не смѣй —
Услышитъ атаманъ, и грѣхъ великой!

КУЗЬМА.

Я не о Царѣ,
О воеводѣ говорю. Съ чего онъ взялъ —
Иди съ повинной головой! Нѣтъ! Ермаку,
Кузьмѣ Өедотову, Кольцу Ивану поздно
Съ повинной головой ходить,
Когда за головы ихъ цѣну положили,
Какъ-будто за горохъ! Налей-ка съ горя!
Живется, пьется, а на висѣлицѣ будешь,
Тогда хоть подчивай — не надо!

КОЛЬЦО.

А что́, братцы, кто сегодня видѣлъ атамана?
Что́ съ нимъ доспѣлось—я ума не приложу!
Съ тѣхъ поръ, какъ воеводской принесли указъ,
Онъ словно туча мрачная.... Ни слова!

КУЗЬМА.

Я давича къ нему ходилъ....

КОЛЬЦО.

Ну, что̀?

КУЗЬМА.

Молчитъ!

КОЛЬЦО.

Молчитъ?

КУЗЬМА.

И домолчится,
Что́ бабы коромысломъ станутъ бить!
Что́ мы сидимъ тутъ? Досидимся до́-черта! Ажно досадно!

МИТЬКА.

Ужь досидимся ли, Богъ вѣсть, а знаешь,
Дѣдъ Кузьма, наврядъ удастся,
Не только ба́бѣ съ Ермакомъ поладить,
Да, и почище не проглотитъ! Вишь, костлявъ!

КУЗЬМА.

Молчи ты... голова съ затылкомъ!
Чо́рта знаешь ты — туда же съ рѣчью!

КОЛЬЦО.

Ну, дѣдъ Кузьма, я хоть не Митька кашеваръ,
А за атамана постоять готовъ.
Намъ думу разгадать его ума не станетъ,
А что объ удали его, мы знаемъ!
Такого молодца, ни Донъ, ни Волга,
И ни Яикъ не видывалъ!

КУЗЬМА.

Удалъ!

КОЛЬЦО.

Нѣтъ, не удалъ, а богатырь Добрыня,
Аль Муромецъ Илья: подковы гнетъ рукой,
Бьетъ на лету въ копѣйку, а умомъ бояринъ —
Царской думы онъ не обезчеститъ,
А рѣчью — златоустъ! Гдѣ не былъ? Какъ начнетъ
О Шамахѣ, Царьградѣ, о Москвѣ золотоглавой....

КУЗЬМА.

Ну, что жъ! Богатырю прижали хвостъ!

КОЛЬЦО.

Они бы рать еще побольше навели!
И тутъ, когда бъ не Филька Живодёръ, —
Измѣнщикъ — ну, за то сидитъ онъ въ Волгѣ!
Охъ! хоть бы такъ кого привелъ Господь
За дѣло доброе стоять.... Царь-Государь!
Повинны передъ тобой — твоихъ стрѣльцовъ
Легло въ бою, какъ лѣсу въ бурю....

КУЗЬМА.

Нашъ волжскій удалецъ въ бою

Передъ стрѣльцомъ не пятится — ну, а коли пришло
За удаль поплатиться — на себя пѣняй:
По Сенькѣ шапка — вору мука по дѣламъ!
Жилъ весело... Оно не то́, что весело, а вотъ,
Какъ чарка зеленова — горько, а давай еще!
Эхъ! помню, былъ у насъ Сидорка Усъ....
Ну, вотъ, что́ сказку-то сложилъ намъ объ усахъ!

МИТЬКА.

Какую сказку, дѣдушка Кузьма?

КУЗЬМА.

Ужь ты — все сказки бы тебѣ!

ВСѢ.

Ну, разскажи, Кузьма!

КУЗЬМА.

Да, разсказать не диво — дай-те выпить
Сперва, и слушайте потомъ! — Ну! въ круговую!
(*Встаетъ, и всѣ окружаютъ его*).
Пришлось на старости хоть сказкой потѣшаться!
Хорошъ былъ сивка-бурка, да умыкали коня
Крутыя горы, и пошелъ конь подъ гору шажкомъ!
Житье на свѣтѣ, словно, вотъ безъ хмѣля кислы щи —
Шипитъ, кипитъ, пузырится, а толку и кума не разберетъ,
Что въ рѣшетѣ плыла къ кумѣ по Волгѣ!

═

Речитативъ.

А, бывали встарь Усы, да удалы молодцы!
А дотолева Усовъ, и видомъ не видать,
И видомъ не видать, и слыхомъ не слыхать!
Проявилися Усы, на святой на Руси!

Они щепетко по городу похаживаютъ,
Они усики умильно разглаживаютъ;
На нихъ смурые кафтаны, шапки бархатныя,
Еще красныя рубахи, косой воротокъ.
Собиралися Усы, на царевъ на кабакъ,
А главный Усъ, атаманской Усъ,
Да, Гришка Мурышка, дворянской сынъ!
Чепаруху пустили, кругомъ пошла;
Отъ первой ли Усамъ стало весело,
Отъ второй ли чепарухи....

Нѣтъ, ребята!

Не говорится сказка, не поется пѣсня — право слово!
Ужъ что́-то чуетъ ретиво́е — не къ добру!
Не даромъ атаманъ задумался — троихъ
Повѣсилъ Астраханскій воевода, и грозится,
Что и другимъ того не миновать....
Оно не то́-что.... а цыганскій потъ по кожѣ ходитъ!

(*Всѣ задумываются*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и МЕЩЕРЯКЪ.

МЕЩЕРЯКЪ (*поетъ*).

Ужъ какъ тёща-ли къ зятю спѣшитъ,
На мутовкѣ рубашки сушитъ;
Она къ зятю собирается,
По подлавечью валяется!
Что́ вы задумались, товарищи? Ты, дѣдъ Кузьма,
Что̀ бороду-то закусилъ?

КУЗЬМА.

Что! Ничего.

МЕЩЕРЯКЪ.

Аль зеленова недостало? Аль кручина
Заѣла добру молодцу сердечко?
Давай-ка, братъ, на радости полнѣй!

КОЛЬЦО.

На радости? Какой?

МЕЩЕРЯКЪ.

Да, на такой,
Что если я скажу, такъ, есаулъ,
Всѣ жилки такъ вотъ у тебя заговорятъ,
Вотъ такъ заговорятъ, — что разлюли малина!

КОЛЬЦО.

Ну, говори!

МЕЩЕРЯКЪ.

Добыча, братцы, да такая,
Что и на свѣтлый праздникъ не дождаться!

ВСѢ.

Добыча?

МЕЩЕРЯКЪ.

Приготовьте кистени, готовьте
Пищали и ножи — дыбычи и работы будетъ много!

ВСѢ.

Добыча! Подавай!

КОЛЬЦО.

Да, говори: что́ за добыча?

МЕЩЕРЯКЪ.

Григорій Строгановъ....

КОЛЬЦО.

Ну!

МЕЩЕРЯКЪ.

Тотъ богачъ,
Который всѣмъ Усольемъ и Чердынью завладѣлъ,
Жемчугъ пудами вѣситъ...

КОЛЬЦО.

Ну, да, мы Григорья знаемъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Онъ нашъ!

КУЗЬМА.

Ка́къ — нашъ?

МЕЩЕРЯКЪ.

На двухъ стругахъ
Изъ Астрахани онъ плыветъ въ Казань,
Везетъ съ собой казну!

КУЗЬМА.

Гдѣ-жъ онъ?

МЕЩЕРЯКЪ.

Да, вонъ,
Взойди и посмотри — далеко, тамъ
За Чортовой Разстаней!

КУЗЬМА.

Эй! за мной, ребята!
(Разбойники и Кузьма бѣгутъ на прибрежный холмъ.)

1-й РАЗБОЙНИКЪ.

Вонъ видишь-ли — плывутъ! Чуть видно!

2-й РАЗБОЙНИКЪ.

Красный парусъ! Видишь, дѣдъ Кузьма?

КУЗЬМА.

Еще-бы не видать!

ВСѢ.

Гайда! Сарынъ на кичку!

КУЗЬМА.

За кистени, за дротики, пищали! Готовь ладьи!
Ухъ! распотѣшься, удалой народъ!
(*Всѣ хватаются за оружіе.*)

КОЛЬЦО.

Ну, братцы, тутъ легко не дастся кладъ.
Такой богачъ, какъ Строгановъ Григорій,
Спустивши рукава не поплыветъ, —
Чай у него есть молодцы съ собой!

МЕЩЕРЯКЪ.

Не безъ того,
И шесть пищалей семипядныхъ.... Что́-жъ, Кольцо,
Аль кошки на сердцѣ скребутъ?

КОЛЬЦО (*осматривая ружье*).

Да, отъ-чего-же имъ скрести? Пусть атаманъ
Велитъ идти — пойдемъ.... Да, ка́къ-же ты
Все такъ успѣлъ узнать? А?

МЕЩЕРЯКЪ (*смущаясь*).

Я давно слѣдилъ —
Изъ Астрахани вѣсть давно мнѣ перепала...
Ну, чтó ты морщишься?

КОЛЬЦО.

Я? Чтó мнѣ морщиться? Почтó?
А видишь, Мещерякъ: вотъ тутъ сидитъ
Свинцовая горошина, и будь я не Кольцо,
Коли замѣчу — посажу ее тебѣ въ животъ,
И ужъ ее до Страшнаго Суда
Самъ дѣдушка изъ живота не вынетъ — разумѣешь?

МЕЩЕРЯКЪ.

Чтó-жъ ты, грозишь мнѣ чтò-ли?

КОЛЬЦО.

Не грожу,
А такъ, чтобъ послѣ не было азатковъ!

МЕЩЕРЯКЪ (*наступая*).

Я заверну тебя, Кольцо, ѳитой,
Коли ты смѣешь мнѣ....

КОЛЬЦО.

Не подходи!
Какъ чорта въ ступѣ изломаю — слышишь!

КУЗЬМА.

Чтó вы? Съ ума сбрели? Теперь-ли спорить,
Когда работа на рукахъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Все онъ затѣялъ!

КУЗЬМА.

Нелегкая васъ побери! Присловье говоритъ,
Что два мѣдвѣдя никогда не уживутся
Въ одной берлогѣ!

КОЛЬЦО.

Не медвѣди, а медвѣдь съ лисицей.

МЕЩЕРЯКЪ.

Да, развѣ я одинъ? Андрей, любимецъ твой
И атаманскій, самъ видѣлъ, знаетъ все;
Онъ къ Ермаку пошелъ, а я къ товарищамъ скорѣй,
Вѣсть передать...

КОЛЬЦО.

Андрей! Иное дѣло!

МЕЩЕРЯКЪ.

Такъ, за что̀-жъ
Ты обезчествовать меня хотѣлъ?

КУЗЬМА.

Ну, что̀ ты лѣзешь!
Коли ты хочешь на расплату — выходи!

МЕЩЕРЯКЪ.

Изволь! Я такъ тебѣ почищу
Кусательный снарядъ!

КУЗЬМА.

Да, что̀ за бѣсъ на васъ поѣхалъ?
Господь даетъ добычу, а вы драться!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Андрей, потомъ Ермакъ.

АНДРЕЙ.

Тише! Атаманъ!

ВСѢ.

Ребята! смирно! Атаманъ!

МЕЩЕРЯКЪ (*въ-сторону*).

Недолго вамъ поатаманить, да поесаулить,
И съ вами счетъ коротокъ будетъ скоро!
Мнѣ только-бы Кольца, да Ермака....

(*Ермакъ появляется на вершинѣ прибрежнаго холма. Онъ стоитъ, осматриваетъ рѣку, и тихо сходитъ*).

КОЛЬЦО.

Товарищи! потише — атаманъ не веселъ,
А знаете, когда не веселъ онъ — не попадайся!

ЕРМАКЪ.

Богъ на̀-помочь!

ВСѢ.

Дай Богъ здоровья атаману!

ЕРМАКЪ.

Всѣ-ли въ сборѣ? Много-ль насъ, Кольцо?

КОЛЬЦО.

Безъ двухъ двѣ сотни.

КУЗЬМА (*ворча*).

Эвось! Посчитали насъ порядкомъ!
Пять-сотъ насъ было, а теперь двухъ сотенъ нѣтъ!

ЕРМАКЪ (*грозно*).

Чтò? (*Молчаніе*).
Строгановъ, почетный гость, Григорій Аникѣичъ,
Къ намъ жаловать изволитъ. Чтò-жъ? Отказывать ли намъ?
За-чѣмъ! Не будь запасливъ съ гостемъ, будь привѣтливъ.
Мы встрѣтимъ, угостимъ, чѣмъ Богъ послалъ,
Такъ угостимъ, что будетъ помнить нашу хлѣбъ-соль.
Распорядить почетъ! Кольцо! ты сядешь тамъ, въ засадѣ,
За Чортовымъ ущельемъ. Мещерякъ! ты будешь здѣсь,
Подомовничать я тебя оставлю, а со мной
Семь лодокъ станутъ за Орлиный-островъ —
Я самъ пойду встрѣчать гостей съ поклономъ...

КОЛЬЦО.

Позволь мнѣ слово, атаманъ.... Такой добычи
Наврядъ дождешься скоро, да....

ЕРМАКЪ.

Чтó?

КОЛЬЦО.

Да, не зачесался-бы затылокъ!

ЕРМАКЪ (*сурово*).

Ты можешь оставаться дома. Кстати,
У Митьки кашевара заболѣлъ чумичка —
Такъ пособи ему!

КОЛЬЦО (*горестно*).

Эхъ, атаманъ!

МЕЩЕРЯКЪ (*сердито*).

Меня
За чѣмъ ты не берешь съ собой?

ЕРМАКЪ (*смотря на него*).

Такъ! Не беру!
Старуха мнѣ, колдунья, говорила: *не бери*!
А ты, Кузьма? Ты что? И ты съ совѣтомъ?

КУЗЬМА.

Нѣтъ! не наше дѣло,
А будетъ жарко!

ЕРМАКЪ.

Ну, тѣмъ лучше — не озябнешь.
Всѣ по мѣстамъ!

ВСѢ.

Гайда!

(*Бѣгутъ въ разныя стороны. Кольцо стоитъ задумчиво*).

ЕРМАКЪ.

Кольцо! что-жъ ты стоишъ?

КОЛЬЦО.

Такъ мнѣ остаться съ Митькой кашеваромъ?

ЕРМАКЪ.

Аль ты обидѣлся, совѣтчикъ?

КОЛЬЦО.

Не въ обиду
Молвить — ну, а что ты скажешь....

ЕРМАКЪ.

Вотъ что̀ я скажу —
Давай-ка руку! (*Бьетъ его въ руку*).
Такъ-ли?

КОЛЬЦО.

Атаманъ! какъ у кольца,
Нѣтъ ни начала, ни конца — такъ — чортъ возьми!
Не только̀ въ Чортово-ущелье — и въ огонь, и въ воду!
Но повѣрь, что отъ усердья.... Между нами
Не всѣ соколики — есть коршуны, и Филькѣ
Товарищи найдутся....

ЕРМАКЪ.

Пусть найдутся!

Два раза коршуну̀ орла не провести;
Дремалъ онъ, а теперь проснулся,
Широкимъ въ поднебесьи размахнетъ крыломъ,
И зашибетъ имъ стаи коршуновъ и галокъ!
Ступай, товарищъ! Послѣ — а теперь за дѣло!

КОЛЬЦО.

Атаманъ! чортъ побери — ужели ты не знаешь, что Кольцо
Въ рѣчахъ не ладитъ, а на дѣлѣ молодецъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕРМАКЪ И АНДРЕЙ.

ЕРМАКЪ.

Какъ будто я не знаю! Молодецъ! На дѣлѣ! Господи помилуй!
Дѣло!... Ка̀къ змѣя сосетъ у сердца.... — Полно! Стихни!
Я накормлю тебя — до сыти накормлю!

Чего ты хочешь? — Мяса, крови,
Змѣя моя, жилецъ проклятый?
Впередъ, впередъ — назадъ не озираться! Нѣтъ!
Окаменѣешь, превратишься въ слаиый столбъ,
Какъ грѣшница, которая дерзнула
На казнь Содома и Гоморра оглянуться!
Впередъ! Тамъ свѣтитъ, грѣетъ адскій огонекъ —
Тепло тамъ будетъ — въ чемъ не разсчитался — разочтешься,
О! разочтешься вѣчной, адской мукой!

АНДРЕЙ (*приближаясь*).

Что̀ мнѣ прикажешь, атаманъ?

ЕРМАКЪ.

Что̀ прикажу?
Ты все подслушалъ, что̀ я говорилъ?

АНДРЕЙ.

Я не подслушалъ — слышалъ!

ЕРМАКЪ.

Слышалъ? Что̀ жъ ты слышалъ? Говори, Андрей!
Не бойся — мнѣ сказать ты можешь.... не другимъ!
О, Боже сохрани! сказать другимъ....
Что̀ ты здѣсь слышалъ, не услышать никому!
Ты слышалъ здѣсь не Ермака, а человѣка,
Въ тѣ страшныя, невыносимыя мгновенья жизни,
Когда на волю сердце просится, когда
Душа вся высказаться хочетъ, ищетъ
Роднаго сердца и души знакомой!
Не знаю, что̀ меня къ тебѣ влечетъ —
Мнѣ кажется въ тебѣ я брата — сына вижу!

АНДРЕЙ.

Атаманъ! За тебя я жизнь готовъ отдать!

ЕРМАКЪ.

Садись и слушай. Черезъ часъ начнется бой.
Григорій Строгановъ ни золота, ни жизни
Намъ даромъ не отдастъ. Быть можетъ,
Насъ много ляжетъ — лягу я.... Завѣтъ послѣдній —
Бѣги отсюда — тамъ есть золото — оно твое — возьми его,
Бѣги — будь счастливъ!

АНДРЕЙ.

Мнѣ бѣжать, Ермакъ?
Тебя оставить?

ПРМАКЪ.

Да, оставить и бѣжать,
Бѣжать, какъ будто за тобою лютый врагъ —
Нѣтъ! Нѣтъ! не врагъ — самъ демонъ гонится погоней!

АНДРЕЙ.

А золото на что́ мнѣ брать?

ЕРМАКЪ.

На то́,
Что къ людямъ ты идешь, съ людьми
Ты будешь жить, а люди всѣ купцы;
Они все покупаютъ, продаютъ — у нихъ
Безъ золота не купишь ни любви, ни друга!

АНДРЕЙ.

Я не пойду!

ЕРМАКЪ.

Ты не пойдешь?

АНДРЕЙ.

Останусь!
Стыдно бросить мнѣ товарищей, тебя!

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ! ты еще намъ не товарищъ. Вотъ полгóда скоро,
Какъ ты пришелъ къ намъ — на полгóда сроку
Я далъ тебѣ — вѣдь, онъ еще не минулъ, и ты можешь
Оставить насъ — ты клятвы не далъ — ты намъ не товарищъ,
Ты рукъ твоихъ въ крови еще не замаралъ,
Ты устъ не оскверинялъ еще безбожной бранью,
Ты на̀ душу грѣховъ еще не принялъ тяжкихъ,
Ты дверь не затворялъ раскаянью.... Андрей!
Бѣги!

АНДРЕЙ.

Ермакъ! тебя я не оставлю!
Мнѣ любо здѣсь, въ привольной вашей жизни,
Мнѣ дорогъ ты.... Здѣсь вольно, хорошо,
А тамъ, тамъ душно, грустно!

ЕРМАКЪ.

Вольно! Хорошо!
И мнѣ казалось такъ, когда судьба
Забросила меня на Волгу.... Но предъ Богомъ,
Не я былъ виноватъ, когда бѣжалъ сюда!
Охъ! ка́къ-бы радостно теперь я промѣнялъ
Тѣ кандалы, которыми меня
Неправосудіе людское заковало,
Тѣ слезы горькія, которыми мочилъ
Я хлѣбъ сухой въ моей тюрьмѣ, тѣ вздохи,
Молитвы тѣ, которыми отрада
Вливалась въ душу мнѣ.... Рядъ многихъ лѣтъ,
Грабежъ, убійство, слезы, плачъ, пожары,
Сообщество злодѣевъ и убійцъ, и клятва
Быть неразлучнымъ съ ними — все меня связало,
И на-вѣкъ отдалило отъ всего,

Чтó человѣку дорого и мило!
Безумецъ! я хотѣлъ все замѣнить
Молвой объ имени моемъ, хотѣлъ
Все задушить, залить виномъ и кровью — я хотѣлъ,
Чтобъ имя Ермака, какъ громъ небесный
По волжскимъ берегамъ гремѣло....

АНДРЕЙ.

И гремитъ оно!
Ногайскій Ханъ его трепещетъ — воеводы
Не смѣютъ плыть близъ твоего притона
Съ дружиной сильной; матери дѣтей стращаютъ:
«Чу! Ермакъ идетъ»! Ермакъ гроза Приволжья!
Но ты не грозный атаманъ — ты мнѣ отецъ!
Дай мнѣ съ тобою жить и умереть —
Ермакъ, Ермакъ! я къ людямъ не пойду!
Ты знаешь, мой родитель былъ богачъ.
Онъ умеръ — мачиха ограбила меня;
Съ сумóю выгнала изъ отческаго дома —
Напрасно я просилъ суда у воеводъ,
Напрасно я подъ окнами молилъ:
«Подайте, ради Бога!» Мнѣ говорили: «Богъ подастъ!«
Тогда поклялся я разстаться съ ними,
Ушелъ къ тебѣ, и въ грозномъ атаманѣ,
Отца и друга я увидѣлъ! Я съ тобой на жизнь,
На смерть! За чѣмъ меня ты гонишь?

ЕРМАКЪ.

Андрей! и я тебя — за чтó, не знаю — полюбилъ.
За тó, быть-можетъ, что среди злодѣевъ,
Ты непорочнымъ юношей явился,
И на тебя смотря, я вспомнилъ время,
Когда я самъ такимъ-же юношей бывалъ,
Когда я жертвой былъ злодѣевъ — не злодѣемъ,
Когда прощалъ врагамъ — не мстилъ, когда
И слезы были мнѣ доступны, и молитва!
Но ты ошибся, если думалъ здѣсь найдти
Разгулъ, приволье, братскую любовь...

Тамъ тяжко — страшно здѣсь; тамъ люди, —
Здѣсь не люди, нѣтъ! здѣсь звѣри въ видѣ человѣка...
Сюда бѣжитъ сынъ, проклятой отцомъ,
Сюда бѣжитъ холопъ отъ казни,
Купецъ-мотыга отъ долговъ и отъ тюрьмы,
Стрѣлецъ опальной, воръ, жидъ, еретикъ Татаринъ,
И въ страшной ихъ ватагѣ только страхъ
Ихъ держитъ, отъ того, что имъ возврата нѣтъ!
Возврата нѣтъ! Ты понялъ-ли весь ужасъ слова:
Возврата нѣтъ? О, если-бы я могъ
Бѣжать въ какую строгую обитель,
И схимникомъ дожить мой вѣкъ въ молитвѣ...
Но нѣтъ, меня нигдѣ не примутъ, всюду знаютъ,
И старцы выгонятъ меня съ проклятьемъ,
И выдадутъ на казнь — и страшной клятвой
Я жизнь мою съ злодѣями связалъ...
И намъ недолго гарцовать на Волгѣ!
Царь Грозный намъ наслалъ указы:
Велитъ идти другимъ съ повинной головой,
Всѣмъ милость — мнѣ топоръ и плаха,
И голова моя проклятью предана,
А тѣмъ, кто выдастъ Ермака — пощада,
Награда, чинъ, богатство и почетъ...
И Астраханскій Воевода, вотъ, недавно, похвалялся,
Что скоро онъ меня скрутитъ, въ Москву отправитъ...
Меня? Нѣтъ! не родился тотъ, кому Ермакъ отдастъ
Свой мечъ булатный, кто его скрутитъ, предъ воеводно
Заставитъ бить челомъ и каяться въ грѣхахъ!
Три астраханскія дружины я разбилъ —
Измѣною взяла четвертая... Но живъ Ермакъ!
Онъ не боится ни измѣнъ, ни воеводъ!

АНДРЕЙ.

И отъ измѣны
Я стражемъ стану близъ тебя!

ЕРМАКЪ.

Андрей!
Нѣтъ! я не отпущу тебя — нѣтъ! ты мнѣ сынъ,

Ты братъ — зачѣмъ намъ разлучаться?
Тебя, меня равно отвергли люди!
На жизнь и смерть! Пусть здѣсь злодѣи,
Да, гдѣ-же не злодѣи люди? Гдѣ слезой
Сиротъ, и хлѣбомъ нищаго, и совѣстью людской
Гдѣ не торгуютъ? Гдѣ богачъ жестокосердый
Безъ слезъ и безъ проклятій собиралъ богатство?
Нѣтъ! я не отпущу тебя — ты мой! И слушай,
Что̀ сдѣлать я хочу: отнынѣ —
Смерть богачамъ, смерть воеводамъ,
Смерть, гибель всѣмъ! Они еще меня не знаютъ,
Они цвѣточки видѣли, — пускай теперь увидятъ!
Я кликну кличъ на Волгу, на Яикъ,
На тихій Донъ, къ Азову, на Кубань;
Я соберу не шайки — ополченья,
И къ Астраханскому отправлюсь Воеводѣ,
Попировать на пожарищѣ астраханскомъ...
А тамъ, и въ животѣ и смерти воленъ Царь!

—

Речитативъ.

1.

Не шуми, мати зеленая дубрава,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати.
Заутра мнѣ, добру молодцу, во допросъ идти,
Передъ Грознаго владыку, Царя Бѣлаго.
Станетъ Грозный Царь меня спрашивать:
«Скажи, скажи, удалый добрый молодецъ,
Еще съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Много-ли было у тебя, молодца, товарищей?
«Охъ! ты Грозный владыка, нашъ бѣлый Царь!
Товарищей было у меня четверо:
Первый мой товарищъ была — темна ночь,
Второй мой былъ товарищъ — Волга-матушка,
Третій былъ у меня товарищъ — пищаль мѣткая,
А четвертый мой товарищъ былъ — булатный ножъ,
А разсыльщики были — калены стрѣлы —
Куда самъ нейду, туда ихъ пошлю!

2.

Какъ возговоритъ владыка, Грозный, Бѣлый Царь:
«Удалъ ты уродился, добрый молодецъ!

Умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать.
Я за то̀ тебя, добра молодца, пожалую,
Середи поля высокими хоромами —
Двумя столбами съ перекладиной,
И гостей къ тебѣ пришлю чорныхъ вороновъ —
Угощай ихъ твоимъ мясомъ — напой кровью ихъ!
(*Задумывается*).
Пируйте, пируйте, небесныя птицы!
Сбѣгайтеся, волки, слетайтесь, орлицы!
Выклевывай очи, незваные гости,
И вихорь по полю размычь мои кости!....
Не такъ-бы умирать тебѣ, Ермакъ!
(*Слышенъ свистокъ; ему отвѣчаютъ*).
Мочатъ! Посмотри, что̀ тамъ такое?

АНДРЕЙ (*сбѣгая на холмъ*).

Лодка
Плыветъ сюда!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, Кольцо и разбойники.

КОЛЬЦО.

Что́, атаманъ: тамъ чудо,
Чудеса!

ЕРМАКЪ.

Что́? Что̀?

КОЛЬЦО.

Безъ боя
Сдается Строгановъ!

ЕРМАКЪ.

Сдается?

КОЛЬЦО.

Самъ къ тебѣ идетъ!

ЕРМАКЪ (*насмѣшливо*).

А! тутъ разсчетъ неплохъ! Ты не дуракъ,
Григорій Аникѣичъ! Видно, доброй волей
Онъ выкупъ хочетъ заплатить.... Пожалуй!
Нѣтъ! богачу на бой идти не сручно.... Трусъ!
Купецъ, аршинникъ, соловаръ!... Эй! собирать
Сюда народъ, а тамъ, на берегу, поставить стражу!
(*Свистки въ разныхъ сторонахъ. Разбойники являются на холмахъ; другіе бѣгутъ на сцену*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, мещерякъ, кузьма, потомъ строгановъ, и за нимъ три человѣка несутъ мѣшки.

МЕЩЕРЯКЪ.

Ну! поздравляю, атаманъ! Вотъ я веду добычу!

КУЗЬМА.

Ну, вѣстимо,
Легко вести, когда она сама идетъ!

ЕРМАКЪ.

Ни словомъ и ни дѣломъ не дерзай никто
Нанесть обиду гостю — тотъ расплатится со мной,
Кто взоромъ дерзкимъ оскорбитъ его!

(Онъ отходитъ въ-сторону).

МЕЩЕРЯКЪ.

И впрямъ, за что̀ намъ обижать его?
А обобрать, какъ липочку, не худо!

СТРОГАНОВЪ *(выходитъ изъ лодки).*

Миръ вамъ, привѣтъ, поклонъ, народъ удалый,
Богъ на̀-помочь, на добрыя дѣла!
А гдѣ-же Ермака мнѣ, Тимоѳеича, увидѣть?

ЕРМАКЪ *(подходитъ).*

Григорій Аникѣичъ! здравствуй — я Ермакъ.

СТРОГАНОВЪ.

А! соколъ ясный!
Привелъ мнѣ Богъ тебя увидѣть!
Здравствуй, старшина разгульнаго народа!

Не обманула, атаманъ, меня молва —
Ну, богатырь! не диво, что Ногаи
Тебя боятся...

ЕРМАКЪ (*въ-сторону*).

Чтó такое? Чтó забилось здѣсь
Какимъ-то новымъ чувствомъ? Отъ чего
Мнѣ стыдно передъ нимъ? На серебро сѣдинъ
Его мнѣ тяжко очи возвести!

СТРОГАНОВЪ (*въ-сторону*).

Смутился!

(*Громко*).

И этотъ взоръ орлиный, говоритъ-ли онъ,
Что вижу я разбойника? И эти длани,
Могучія, на битву созданныя длани, неужли
Убійцы ножъ на ближняго возносятъ?
И голосъ этотъ, страхъ врагамъ внушать сужденный —
Ужли онъ на разбой злодѣевъ вызываетъ?
Горе, горе, горе проникло въ сердце, въ душу,
Тяжко мнѣ... О, лейтесь слезы! Горе, горе мнѣ!

(*Шумъ негодованія между разбойниками*).

Чье слышу я рыканье? Кто окрестъ меня?
Убійцы, звѣри дивіи, добыча казни, палачей?
Ермакъ! и ихъ ты братьями зовешь?

КОЛЬЦО.

Молчи,

Болтунъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Хрычъ старый! Враль!

ВСѢ.

Живѣе на ножи его!

СТРОГАНОВЪ.

Такъ, что-жъ вы стали? Развѣ вы боитесь
Ко мнѣ приблизиться? Аль сила правды
Души ваши поразила страхомъ?

КУЗЬМА.

Нѣтъ!
Не поразила — да тебя мы примемся! — Ребята!

СТРОГАНОВЪ.

Старый грѣшникъ! Не ужли ты мыслишь,
Что если Богъ захочетъ сохранить меня,
Онъ ангела мнѣ не пошлетъ на стражу?
Иль муками меня затѣялъ ты стращать?
Бери, терзай меня!

КУЗЬМА.

Увидимъ! Эй! сюда!

ВСѢ.

Гайда!

ЕРМАКЪ.

Стой!

КОЛЬЦО.

Атаманъ! ты слышишь:
Позоритъ онъ, безчеститъ насъ, поноситъ!

ЕРМАКЪ (*горестно*).

Онъ правду говоритъ!

СТРОГАНОВЪ.

И ты сознался?
Великій Боже! первый благодати лучъ
Въ его проникнулъ душу — онъ сознался!
Даруй-же силу слова грѣшному рабу!

Дай моему глаголу силу грома,
Да распаяетъ онъ, растопитъ ихъ сердца,
Кумиры ада перельетъ въ сосуды неба,
Куда вольется жизнь и благодать святая
На исцѣленіе души и тѣла!

ЕРМАКЪ (*въ сторону*).

Гдѣ? Когда?
Но я видалъ его, видалъ, и помню,
Что часъ свиданья былъ отрадный часъ! Но гдѣ?
Когда?

СТРОГАНОВЪ.

Къ тебѣ, Ермакъ, я слово обращаю!
Мужъ доблестный! О, сжалься надъ собой —
Господь твое пріиметъ покаянье!

ЕРМАКЪ.

Поздно ты пришелъ!

СТРОГАНОВЪ.

Нѣтъ! никогда раскаянье не поздно!
Господь пріемлетъ всѣхъ равно, кто въ первый,
Кто въ единонадесятый часъ пришелъ,
И объ одной овцѣ заблуждшей радость въ небѣ
Бываетъ больше, чѣмъ о двадесяти чистыхъ сердцемъ!

КУЗЬМА.

Да, что́ ты, поученья что-ли нанялся читать?
Слыхали мы тебя почище! Аль задумалъ
Ты краснобайствомъ уберечь свою казну?

СТРОГАНОВЪ.

Нечестивецъ старый! На, возьми ее! (*Беретъ мѣшки и бросаетъ*),
На, вотъ она!
А мало, такъ поди — тамъ на судахъ моихъ,

И бархатъ, и парча, и золото — возьми!
Пусть угліемъ горящимъ на главу твою
И золото и серебро просыплются — Насыться!
Вели залить себѣ гортань сребромъ и златомъ!

ЕРМАКЪ (*шутливо*).

Григорій Аникѣичъ! Странно мнѣ,
Что ты пришелъ бранить хозяевъ.
Такого на Руси обычья нѣтъ!
Ты хлѣба-соли съ нами не вкусилъ,
А насъ позоришь! Гордость неприлична —
Вѣдь ты у насъ.... (*насмѣшливо*) въ гостяхъ!

СТРОГАНОВЪ.

Позорю? Гордость?
Смотри, какъ я горжусь! (*Становится на колѣни*).
О други, братья!
Я кланяюсь вамъ, умоляю васъ — не злата,
И не сребра молю — вамъ отдаю сребро и злато!
Молю — покайтесь! Богъ пріиметъ покаянье ваше!
На силу не надѣйтесь и на храбрость!
Не вѣдите, когда бѣда пріидетъ, аки тать....
О други! братья! вы умолкли....

ЕРМАКЪ.

Поздно, поздно,
Старикъ! Возврата нѣтъ! Намъ путь загороженъ,
И въ небо, и къ царю, и къ людямъ,
Загороженъ горами, терніемъ заросъ!
И Богъ, и царь, и люди насъ отвергли!
Мы не пойдемъ съ повинной головой — намъ нѣтъ возврата!

СТРОГАНОВЪ.

А если есть? А если не съ повинной головой
Вы къ православному Царю придете,
По царствомъ подарить его — не тать, разбойникъ
Съ ватагою злодѣевъ — доблій воевода ,

Ермакъ предстанетъ съ братьями, съ друзьями,
И Царь не казнью встрѣтитъ васъ — почетомъ?
Сто тысячь рати подъ Казань ходило,
И царство темное едва смирилось,
Но Богъ вѣщаетъ мнѣ, что Ермаку съ дружиной
Другое царство покорится.... Тамъ, далеко,
Оно раскинулось лѣсами и горами....

ЕРМАКЪ (*въ восторгѣ*).

Боже!
Я узнаю его! Онъ, онъ въ видѣньи благодатномъ
Являлся мнѣ!...
Григорій Аникѣичъ!
Чтó говоришь ты?

СТРОГАНОВЪ.

Правду!

ЕРМАКЪ.

Правду?

ВСѢ.

Правду?

СТРОГАНОВЪ.

Я не прощенье предложить пришелъ,
Но въ души ваши влить раскаянье святое,
И указать на подвигъ, васъ призвать къ нему явился.
Внимай, Ермакъ — нѣтъ! самъ читай, смотри—
Вотъ грамата Царя.... Благоговѣй! Самъ Царь,
Своими ясными очами на нее смотрѣлъ,
Самъ приложилъ печать десницей царской,
Самъ отдалъ мнѣ, и говорилъ: «Григорій!
Иди на Волгу, и увѣрь ихъ царскимъ словомъ....

ВСѢ.

Читай намъ граматку отъ батюшки-Царя

ЕРМАКЪ (*не въ силахъ вымолвить слова, схватываетъ грамату и читаетъ*).

«Отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, на Чердынь, именитому человѣку Григорью Аникѣевичу Строганову. Билъ ты намъ челомъ, Царю Государю, а молвилъ: отыскалъ-де ты пути черезъ Каменный Поясъ, въ Сибирскую сторону; и можешь-де ты туда послать дружину; и просилъ ты, чтобы мы, Царь Государь, наше Царское Величество, поволили тебѣ кличъ кликнуть на Волгу, и на Донъ, и на Яикъ, и собрать ладейниковъ, и ушкуйниковъ, и вольныхъ людей, и казаковъ, а быть-де надъ ними атаманомъ казаку Ермаку Тимоѳееву»....

СТРОГАНОВЪ.

Читай!

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ! не могу!

СТРОГАНОВЪ.

Подай сюда! (*читаетъ*)

«И мы, Царь Государь, наше Царское Величество, поволили кличъ кликнуть, и тѣхъ вольныхъ людей собрать, и въ Сибирское царство вѣдомыми тебѣ путями отправить, и Ермаку Тимоѳееву надъ ними атаманомъ быть поволяемъ»....

ЕРМАКЪ.

Гдѣ, гдѣ написано? (*Кольцу и Кузьмѣ*).
О други! братья!

(*Кольцо и Кузьма стоятъ безмолвно, опершись на свои ружья.*)

(*Андрею.*)

Сынъ мой!

СТРОГАНОВЪ. (*читаетъ*)

«И сущихъ при немъ казакомъ, Ивану Кольцу (*Кольцо, трепеща, падаетъ на колѣни*) и Кузьмѣ Ѳедотову, быть при немъ Ермакѣ

поволяемъ. И какъ надъ нимъ Ермакомъ есть великая наша Царская опала, и мы ту опалу съ него, съ Ермака, и со всѣхъ сущихъ съ нимъ, нашею великою Царскою милостью снимаемъ; и въ Сибирское царство имъ идти; и будетъ они то царство подъ нашу высокую Царскую руку покорятъ, и быть имъ тогда всѣмъ въ великомъ нашемъ Царскомъ почетѣ. Сія наша Царскаго Величества грамата дана въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣто отъ сотворенія міра седмь тысячь осмьдесятъ втораго, мѣсяца февруарія въ день девятый».

КУЗЬМА. (*Ружье падаетъ у него изъ рукъ. Онъ рыдаетъ и закрываетъ лицо руками*).

Царь Государь! Ты и о Кузькѣ вспомнилъ!
Ты вспомнилъ обо мнѣ, проклятомъ, окаянномъ!

КОЛЬЦО.

Дай мнѣ облобызать то мѣсто,
Гдѣ царская рука касалась....

ЕРМАКЪ.

О! теперь я вспомнилъ все! Внимайте!
Господне было тутъ внушеніе.... Въ ту ночь,
Когда измѣнщикъ — судитъ Богъ его —
Подвелъ на насъ стрѣлецкія дружины,
Когда дрались мы такъ свирѣпо, уступили силѣ и бѣжали....
Одинъ бѣжалъ я по горамъ приволжскимъ,
Днемъ укрывался, словно дикій звѣрь, въ лѣсахъ,
Терзался жаждой, гладомъ — ночью шелъ,
Путь правилъ по звѣздамъ небеснымъ....
Но силы истощились — я упалъ.... Не помню — спалъ-ли,
Видѣнье или сонъ я видѣлъ.... Мнѣ мечталось,
Что въ безднѣ я, въ кромѣшной тмѣ — кругомъ ни зги не видно,
А только слышенъ волчій вой, и шипъ змѣиный,
Не человѣчій хохотъ, скорби стонъ, и плачъ,
И скрежетъ зубный, и какъ-будто въ пыткѣ
Ломаютъ кости — и руками осязалъ я
Холодныхъ змѣй — онѣ вились кругомъ,

И чуялъ я, какъ обвивались
Онѣ вокругъ моихъ костей,
И въ сердце жадно мнѣ впивались,
И въ кровь вливался ядъ изъ змѣй,

И жаръ, и холодъ — кровь то застывала,
То жгучимъ въ жилахъ пламенемъ горѣла....
Молитву сотворить хотѣлъ я, и — не могъ,
Она въ проклятье превращалась... И средь тмы
Вдругъ свѣтъ я вижу — старецъ предъ мною!
Онъ хартію въ рукѣ держалъ — другую руку
Мнѣ подалъ... И смѣнились муки ада
Небеснымъ чувствомъ благодати....
Нѣтъ! На землѣ такого чувства нѣтъ!...
И змѣи спали съ рукъ моихъ, и съ ногъ,
И будто обаяніемъ какимъ, изъ бездны,
Куда-то понеслись мы, и предъ нами
Страна раскрылась — ей конца не видно —
Съ полуночи вся льдомъ обложена,
Съ востока бурными волнами моря,
Отъ запада горами до небесъ,
Отъ юга знойными, сыпучими песками.
И въ той землѣ кипятъ народу тмы,
И степи, и лѣса, и горы, все такъ дивно,
А рѣки — нѣтъ! не рѣки, а моря —
По три Волги въ нихъ уляжется, и мѣсто
Еще останется на Донъ и на Яикъ...
И вдругъ, когда я жадными очами,
Впивался въ ту безвѣстную страну —
Исчезло все — проснулся я — холодный потъ
Течетъ по тѣлу: надо мной горѣли звѣзды неба...
И долго думалъ я о странномъ томъ видѣньи,
Хранилъ его въ душѣ, не постигая, но теперь,
Теперь его я понялъ — вотъ онъ — *старецъ*,
И вотъ она — та *хартія*.... И ка̀къ легко,
И ка̀къ отрадно.... Други, братья,
Вы, Волги матушки удалые сыны,
Вы, прежніе разбойники и тати —
Теперь — дружина православнаго Царя!
Мнѣ спрашивать-ли васъ?

КОЛЬЦО.

Нѣтъ! нѣтъ! Съ тобой,
Туда — въ Сибирь!

КУЗЬМА.

А кто посмѣетъ отказаться —
Въ кулекъ, да въ Волгу бухъ!

ВСѢ.

Въ Сибирь! Въ Сибирь!

СТРОГАНОВЪ.

Сойди-же, благодать Господня, на ихъ главы!
Ермакъ! сюда! — какъ брата, друга,
Я обниму тебя!

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! твоихъ объятій
Я недостоинъ — Государь опалу снялъ,
Но я не заслужилъ еще прощенья,
Его еще не искупилъ я кровью и побѣдой.
Григорій Аникѣичъ! напиши Царю надежѣ Государю,
Что милости его, какъ благодать Господня,
Какъ съ небеси роса, намъ души оживили!
Скажи, что мы идемъ на подвигъ — головы положимъ,
Иль подаримъ его Сибирскимъ-царствомъ!

Все, что здѣсь собрано, богатство, злато,
Возьми, раздай въ монастыри и нищимъ!
Прочь, платья цвѣтныя — сѣрмяги, власяницы
Надѣнемъ мы — ты дай намъ зелья, пушекъ,
Пищалей, дротиковъ, кольчугъ и шлемовъ,
Не пожалѣй ты злата на желѣзо!
Клянусь не прикасаться къ чашѣ пировой,
Ни къ ѣству роскошному, къ злату и къ сребру,
На прелесть женскую не обращать очей,

И суетною рѣчью не сквернить уста,
Пока въ Сибири мы не воспоемъ соборомъ:
«Кто есть Богъ велій, яко Богъ нашъ, даровавый
Побѣду православному Царю надъ супостаты!»

На колѣни! Поднимайте руку и клянитесь
Обѣтъ исполнить! Да, постигнетъ казнь того,
Кто нашъ святой обѣтъ нарушитъ!

ВСѢ (*на колѣняхъ*).

Мы клянемся!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

=

КАЗАЦКІЙ ТАБОРЪ.

=

Крестьянская изба. Налѣво окно, направо дверь въ другую комнату, и главная дверь прямо.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТАРАСЬЕВНА (*сидитъ и прядетъ*).

Вотъ оно житье-то человѣческое, какъ куделя — щиплется, щиплется по маленьку, да въ нитку свивается! Денекъ за денькомъ, годикъ за годикомъ уходятъ, да уходятъ — посмотришь, анъ кудели-то и нѣтъ! Охо, хо, хо!

Была и Тарасьевна въ почетѣ, бывало, и за Тарасьевной ухаживаютъ добры молодцы, и подружки завидуютъ. А потомъ

разлетѣлись мои красные денечки, словно ласточки, разбѣжались добры молодцы, какъ воробьи съ гумна.... И теперь ужь не постучится никто въ косящетое окошечко, не скажетъ: «Тарасьевна! Ась Тарасьевна!»

ЯВЛЕНІЕ II.

ТАРАСЬЕВНА И ПАНТЕЛЕЙ.

ПАНТЕЛЕЙ (*стучитъ въ окно*).

Тарасьевна! Ась Тарасьевна!

ТАРАСЬЕВНА.

Ахти! Кто тамъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, я Пантелей.

ТАРАСЬЕВНА.

Ты, Пантелей Кудимовичъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Вѣстимо!

ТАРАСЬЕВНА.

Войди, пожалуй!

ПАНТЕЛЕЙ.

Видишь, Тарасьевна, боюсь!

ТАРАСЬЕВНА.

Чего тебѣ, этакому ясному соколу, бояться!

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, одна-ли ты?

ТАРАСЬЕВНА.

Видишь, что одна.

ПАНТЕЛЕЙ.

Надобно ужъ такъ, чтобы ты непремѣнно была одна — ви-

дишь: у меня есть съ тобой тайность поговорить, и самую, самую задушевную думу раздумать!

ТАРАСЬЕВНА (*въ сторону*).

Ахти, мои батюшки! Да, что это онъ затѣялъ? Ужъ-ли.... (*громко*) Войди, войди, Пантелей Кудимовичъ! (*Пантелей отходитъ отъ окна*) Я и то замѣтку брала, что онъ чтой-то такъ поглядываетъ.... То, вотъ этакъ бородой пошевелитъ, то вотъ этакъ: *хмъ*, сдѣлаетъ! Охъ! ты старый!... И то сказать, что онъ за старый? Еще мужикъ матёрой, а ужь какъ богатъ! Тарасьевна! этакого молодца, хоть-бы кому такъ....

ПАНТЕЛЕЙ.

Здорово, Тарасьевна!

ТАРАСЬЕВНА.

Здравствуй, кормилецъ! Добро-пожаловать! Чѣмъ гостя подчивать?

ПАНТЕЛЕЙ.

Ласковымъ словомъ! Хе, хе, хе!

ТАРАСЬЕВНА (*въ-сторону*).

Эвося куда онъ подбирается! (*Громко*) Ка́къ-же тебѣ, доброму молодцу, отказать?

ПАНТЕЛЕЙ.

Вѣстимо: ка́къ доброму молодцу отказать. Да, надобно, чтобы твое согласіе было.

ТАРАСЬЕВНА (*жеманится*).

Ахъ! что́ ужь тутъ мое согласіе....

ПАНТЕЛЕЙ.

Вотъ, сядь-ка ты, Тарасьевна, а я подлѣ тебя!

(*Сажаетъ ее на скамью, и садится подлѣ нея*).

ТАРАСЬЕВНА (*въ-сторону*).

А что́, вѣдь, право слово, парочка!

ПАНТЕЛЕЙ.

Видишь, Тарасьевна....

ТАРАСЬЕВНА.

Нѣтъ, кормилецъ, ничего не вижу!

ПАНТЕЛЕЙ.

Вотъ ты — Тарасьевна, а я — Пантелей!

ТАРАСЬЕВНА.

Ну, вѣстимо!

ПАНТЕЛЕЙ.

Вотъ у тебя есть....

ТАРАСЬЕВНА.

Мало-ли что́ у меня есть!

ПАНТЕЛЕЙ.

Дочь не дочь, а почти дочь!

ТАРАСЬЕВНА.

Какая дочь?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, вотъ, Маша!

ТАРАСЬЕВНА (*обидясь*).

А тебѣ что́?

ПАНТЕЛЕЙ.

Хмъ! Славная дѣвка!

ТАРАСЬЕВНА (*вскакивая*).

Ахъ! ты старый! Да, неужли ты....

ПАНТЕЛЕЙ.

Вотъ-то и есть....

ТАРАСЬЕВНА *(разсердясь)*.

Да, куда тебѣ? Да, я тебя! Да, и не подумаю, да и не говори! Тебѣ, старому хрѣну этакому.... Да, кто за тебя пойдетъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, ты о чемъ говоришь? Вѣдь я объ Машѣ твоей говорю!

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ тебѣ развѣ Машутка моя пара?

ПАНТЕЛЕЙ.

Какъ: пара?

ТАРАСЬЕВНА.

Вѣдь ты сватаешься за нее?

ПАНТЕЛЕЙ.

Что?... Какъ? — Чего сватаюсь! Что ты!

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ что́ жь ты толкуешь битый часъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Толкуешь битый часъ! Видишь вотъ — толкуешь битый часъ! Вотъ къ тебѣ повадился, говорятъ, молодецъ ходить, какой-то Андрей..... Да, Андрей!

ТАРАСЬЕВНА.

Будто ты не знаешь?

ПАНТЕЛЕЙ.

А знаешь ли ты, кто этотъ Андрей?

ТАРАСЬЕВНА.

Вѣстимо знаю: Астраханскій купчина, богачъ! Побогаче тебя!

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, побогаче тебя! Ажно онъ не купецъ, и ничемъ не торгуетъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Вотъ вздумалъ! А откуда-жъ онъ такаго узорочья, да богачества беретъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Откуда беретъ? Да, на большой дорогѣ находитъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Охъ! ты....

ПАНТЕЛЕЙ.

Что: охъ, ты? Я тебѣ говорю — просто, онъ разбойникъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Самъ ты разбойникъ этакой!

ПАНТЕЛЕЙ.

Вотъ ужъ ты, Тарасьевна, и врешь! Когда я разбойничалъ? И какъ же я стану разбойничать, когда я староста?

ТАРАСЬЕВНА.

Да, съ чего ты вздумалъ этакого молодца разбойникомъ называть? Обходится онъ такъ чувствительно, и даритъ такъ щедро, а удалецъ какой! Я того и смѣкаю, что онъ за Машу посватается....

ПАНТЕЛЕЙ.

Нѣтъ, ужь ты не отдавай!... Вишь, онъ разбойникъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Да, что ты затямилъ одно — разбойникъ, да разбойникъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

Вѣдь не я говорю!

ТАРАСЬЕВНА.

А кто же?

ПАНТЕЛЕЙ.

Говоритъ Невзгода Обдиралко, подьячій, сыщикъ Астраханскій.

ТАРАСЬЕВНА.

Ахти! мои батюшки! Невзгода Обдиралко! Развѣ онъ здѣсь?

ПАНТЕЛЕЙ.

Здѣсь.

ТАРАСЬЕВНА.

Ахти, родные мои! Пропала я, голова моя запобѣдная! Попадусь я въ руки Невзгодѣ, да обдеретъ онъ меня, окаянный!

ПАНТЕЛЕЙ.

Мало, что обдеретъ — въ тюрьмѣ насидишься!

ТАРАСЬЕВНА.

Охо, хо, хо! Пантелей Кудимовичъ! не выдай! Охо, хо, хо!

ПАНТЕЛЕЙ (*хнычетъ*).

Да, мнѣ ужь и самому тебя жалко, да что́ я сдѣлаю-то?

ТАРАСЬЕВНА.

Ты скажи, что этотъ разбойникъ у меня никогда не бывалъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, ужь онъ и безъ меня знаетъ, что бывалъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ вѣдь онъ и у тебя бывалъ, и вся деревня его видѣла— онъ и въ хороводахъ у насъ бывалъ....

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, ужь мы всѣ сказали, что его не знаемъ и не видали, и Обдиралко утвердилъ.

ТАРАСЬЕВНА.

Ка̀къ-же утвердилъ? Да, ка̀къ-же вы это сдѣлали?

ПАНТЕЛЕЙ.

Вѣстимо, ка̀къ дѣлаютъ, что сыщикъ ничего не видитъ! (*Тихо*) По три алтына съ дыма собрали, а я еще прибавилъ семь

алтынъ — ты, говоритъ, староста на то! А до тебя онъ крѣпко добирается....

ТАРАСЬЕВНА.

А что̀ ему надо?

ПАНТЕЛЕЙ.

Какая, говоритъ — эта Маша?

ТАРАСЬЕВНА.

Ты сказалъ-бы, что сиротка, пріемышъ. Будто ты не знаешь, что вотъ ужъ скоро объ Юрьевѣ пятнадцать лѣтъ минетъ, какъ еще живъ былъ мой покойникъ, и Гришутка мой живъ былъ, прибрела къ намъ какая-то горемычная.... Видно, не простаго рода, такая красавица, а ужь такая больная, да худая, да и дочьку привела, малютку, да все плакала, да у насъ и скончалась. А мы померекали съ покойникомъ, да и взяли себѣ дѣвочку. Вотъ она и выросла, и вотъ Богъ прибралъ моего покойника, и Гришутку — она теперь мнѣ вся утѣха!

ПАНТЕЛЕЙ.

Оно такъ, да, ка̀къ, говоритъ, она этого разбойника принимала?

ТАРАСЬЕВНА.

Да, я его теперь и на полдвора не пущу! Да, и Машуткѣ закажу — да, и.... Маша! Маша!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и МАРІЯ.

ТАРАСЬЕВНА.

Какъ безъ меня придетъ тотъ сорванецъ, Андрей, купчина, ты запрись и не пускай, и Ванькѣ батраку вели его дубьемъ съ двора гнать! Слышишь? А? Слышишь?

МАРІЯ.

Вотъ? Да, за что̀ ты на него вдругъ осерчала?

ТАРАСЬЕВНА.

Осерчала! Какъ по затылку стукнутъ, такъ по-неволѣ осерчаешь! Я ужь тебѣ говорю....

МАРІЯ.

Ахъ! родная! Да за что? Онъ такой добрый!

ТАРАСЬЕВНА.

Добрый! Хорошъ добрый! Вѣдь онъ разбойникъ!

МАРІЯ.

Съ чего ты взяла!

ТАРАСЬЕВНА.

Не я взяла, а ужь та́къ, что онъ разбойникъ — вотъ и Невзгода Обдиралко, сыщикъ, пріѣхалъ, и его схватятъ, да и на висѣлицу вздернутъ!

МАРІЯ (*смѣется*).

Та̀къ онъ и дастся твоему Невзгодѣ Обдиралкѣ!

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ ты еще и заступаешься за него? Я тебѣ говорю, какъ придетъ — гони его, гони, толкай, бей!

МАРІЯ.

Сама ты попробуй прогнать его!

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ ты моей волѣ противиться? Когда я тебѣ говорю? Когда я тебѣ приказываю? Хоро́шо, хорошо! Пошла вонъ, пошла, говорятъ — я тебя запру, запечатаю! Ты за Андрюшку разбойника заступаться?

МАРІЯ.

Помилуй, родная, выслушай...

ТАРАСЬЕВНА (*толкаетъ ее въ дверь направо*).

Пошла, пошла!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПАНТЕЛЕЙ И ТАРАСЬЕВНА.

ТАРАСЬЕВНА.

Видишь, Пантелей Кудимовичъ — прогнала!

ПАНТЕЛЕЙ.

Оно такъ — прогнала, да видишь, говоритъ, зачѣмъ, говоритъ, прежде принимала, говоритъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Ты ужъ заступись за меня!

ПАНТЕЛЕЙ.

Оно та̀къ, да, говоритъ — ка́къ-бишь онъ говоритъ?... Голословныхъ оправданій, говоритъ, не приму!

ТАРАСЬЕВНА.

А какія же онъ оправданія принимаетъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, всякія—и мѣдныя, и серебряныя, и такъ, что́ попадется.... У Гришки горшечекъ масла взялъ, а у Сидорки курочку съ пѣтушкомъ.

ТАРАСЬЕВНА.

Такъ, знаешь, Пантелей Кудимовичъ, пойдемъ-ка мы къ нему, да оправдаемся! Подожди, голубчикъ, я тотчасъ одѣнусь... Ну, и какое-нибудь оправданіе съ собой захвачу! (*Бѣжитъ направо.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ПАНТЕЛЕЙ (*одинъ*).

Конечно, оправдаться, ка́къ не оправдаться, да, ка́къ оправдаться, коли оправдаться? У сыщика пѣтухомъ съ курицей оправ-

даешься, а у дьяка меньше коровы и не говори—а у воеводы.... Вонъ тогда Егорка-то поѣхалъ на парѣ воловъ, а пришелъ пѣшій—онъ и оправдался, да пары воловъ-то не было....

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПАНТЕЛЕЙ И ТАРАСЬЕВНА.

ТАРАСЬЕВНА (*съ узломъ*).

Ну, вотъ и я — пойдемъ къ Невзгодѣ Обдиралкѣ!

ПАНТЕЛЕЙ.

А это у тебя что?

ТАРАСЬЕВНА.

Вѣстимо, что́ — оправданіе!

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, ты смотри....

ТАРАСЬЕВНА.

Ужь пойдемъ, пойдемъ!... А красавицу-то я запру, такъ оно повѣрнѣе!... (*Замыкаетъ дверь направо*). Пойдемъ, Пантелей Кудимычъ! Ужли то ужь... Да, милостивъ Богъ, да что такое....

(*Уходятъ*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

АНДРЕЙ (*подъ окномъ*).

«Растоскуйся ты, моя сударушка, разгорюйся!» Маша, Маша! Гдѣ ты? Маша! Отвори дверь!

ГОЛОСЪ МАРІИ.

Я заперта!

АНДРЕЙ.

Кто-жь тебя заперъ?

ГОЛОСЪ МАРІИ.

Тарасьевна.

АНДРЕЙ.

Удержать-ли добра молодца затворы! (*Вскакиваетъ въ окно*). А ключъ гдѣ?

ГОЛОСЪ МАРІИ.

Видно, она унесла.

АНДРЕЙ.

У насъ и безъ замка дверь отворится!

(*Вышибаетъ дверь*).

МАРІЯ (*бросается къ нему*).

Андрей!

АНДРЕЙ.

Чтò это значитъ? Куда побрела твоя старуха съ этимъ дуракомъ старостой?

МАРІЯ.

Они пошли къ Невзгодѣ Обдиралкѣ, сыщику.

АНДРЕЙ.

Развѣ онъ здѣсь?

МАРІЯ.

Здѣсь.

АНДРЕЙ.

Зачѣмъ его чортъ принесъ, мошенника?

МАРІЯ.

Ахъ! Андрей! Онъ пришелъ тебя обыскивать!

АНДРЕЙ.

Ужь не поймать ли онъ меня думаетъ, крыса астраханская?

МАРІЯ.

Знаешь ли, что онъ говоритъ?

АНДРЕЙ.

А чтò?

МАРІЯ.

Будто ты... разбойникъ!

АНДРЕЙ.

Маша, душа моя! а если бы въ самомъ дѣлѣ такъ было?

МАРІЯ.

Такъ мнѣ-то что за дѣло? Полюбила я тебя, а развѣ спрашивала, кто ты?

АНДРЕЙ.

Такъ узнай же, Маша, что не купчина я Астраханскій, не Астрахань моя родина, не аршиномъ я товары мѣряю, не по ярмаркамъ покупаю ихъ — удалой я сынъ Волги-матушки; товары беру не торгуюсь, и ты, Маша — ты жена разбойника!

МАРІЯ.

Андрей!

АНДРЕЙ.

Да, не бойся, моя красавица — теперь ужь мы не разбойники, а вѣрные слуги Государевы. Слыхала-ли ты объ Ермакѣ Тимоѳеичѣ?

МАРІЯ.

Кто-же не знаетъ Ермака Тимоѳеича!

АНДРЕЙ.

Я одинъ изъ удальцовъ его! Долго жили мы нечестною славою, а теперь Царь Государь насъ помиловалъ, и по его произволенію идемъ мы воевать, сразиться за вѣру православную, за Русь матушку...

МАРІЯ.

Идете? Куда-же вы идете?

АНДРЕЙ.

Далеко, моя разлапушка, куда прежде и воронъ русской кости не занашивалъ, и русскаго духа слыхомъ не слыхано, лицомъ не

видано! Слыхала-ли ты о царствѣ Сибирскомъ — тамъ за Каменнымъ поясомъ?

МАРІЯ.

Да, откуда соболей привозятъ?

АНДРЕЙ.

Вотъ въ это-то соболиное царство мы идемъ — взять его за Царя!

МАРІЯ.

Андрей! и я съ тобой!

АНДРЕЙ.

Нельзя! Куда тебѣ перенести походъ, и гдѣ тебѣ... Да, мы обѣтъ положили: женщинамъ въ нашемъ таборѣ не быть!

МАРІЯ.

Ты оставишь меня — забудешь меня, разлюбишь меня!

АНДРЕЙ.

Оставлю, а не забуду и не разлюблю! Ворочусь сюда, и привезу тебѣ такихъ соболей, такого жемчугу....

МАРІЯ.

А если тебя убьютъ, Андрей!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АНДРЕЙ И МАРІЯ (*въ-сторонѣ*), ТАРАСЬЕВНА, ПАНТЕЛЕЙ И ОБДИРАЛКО.

ТАРАСЬЕВНА.

Пожалуста, родимый, не погнѣвайся!

ОБДИРАЛКО.

Ну, ну! Если у тебя медъ и брага также хороши, такъ ужъ посмотримъ — авось пособить будетъ можно...

ТАРАСЬЕВНА.

Чтó нашъ мужицкій медъ! Вы люди чиновные, набольшіе — чай у васъ и собакъ-то медомъ поятъ!

ОБДИРАЛКО.

Ну, ну! А ужь ты, Тарасьевна, смотри: придетъ этотъ разбойникъ...

ТАРАСЬЕВНА.

А ужь онъ точно разбойникъ?

ОБДИРАЛКО.

Еще-бы! Онъ изъ шайки Ермака — я ужь все развѣдалъ! На тó я сыщикъ! Всю эту шайку на Ахтубѣ разбили, разгромили, а остальные разбѣжались, да недолго набѣгаются! Я ихъ доѣду!

ТАРАСЬЕВНА.

А развѣ ты, родимый?

ОБДИРАЛКО.

Я, я, разумѣется, я! Я пошелъ и нашелъ и побилъ, и разогналъ! Гдѣ Обдиралко, тамъ эти разбойники вотъ кàкъ дрожатъ! Да, хоть сотня ихъ будь, закричу: «Сдавайся»! и...

АНДРЕЙ (*бьетъ его по плечу*).

Здорово, Обдиралко! Кàкъ поживаешь?

ОБДИРАЛКО (*испугавшись*).

Ай! ай!

АНДРЕЙ.

Тарасьевна! здравствуй!

ТАРАСЬЕВНА (*въ-недоумѣніи*).

Кормилецъ... Пантелей...

АНДРЕЙ.

И ты здѣсь, Пантелей Кудимовичъ?

ПАНТЕЛЕЙ (*робѣя*).

Да, здѣсь, коли твоей милости угодно....

АНДРЕЙ.

Такъ ты, Обдиралко, припугнулъ Ермака? Такъ ты и до меня добираешься? А?

ОБДИРАЛКО.

Батюшка... я... я...

АНДРЕЙ.

Такъ я разбойникъ?

ОБДИРАЛКО.

Кто это говоритъ! Да, развѣ есть разбойники? Да, гдѣ разбойники?

АНДРЕЙ.

Пожалуй, вотъ и меня, честнаго купчину, разбойникомъ называютъ!

ОБДИРАЛКО.

Сами они разбойники, тѣ, кто называетъ!

АНДРЕЙ.

Мошенники они! Обдиралы! Не правда-ли?

ОБДИРАЛКО.

Наушники!

АНДРЕЙ.

Трусы! ха! ха! ха!

ОБДИРАЛКО.

Трусы! ха! ха! ха!

АНДРЕЙ.

То-то-же! Ну, и я такъ положилъ, что если кто осмѣлится обо мнѣ худую рѣчь молвить и Тарасьевну попрекнуть — я того, вотъ этакъ въ бараній рогъ согну, перегну, разогну — понимаешь! (*Онъ наступаетъ на Обдиралку и Пантелея, и они пятятся въ страхѣ*).

ОБДИРАЛКО.

Помилуй! помилуй!

АНДРЕЙ.

Съ сотпей удальцовъ явлюсь — деревню запалю, а если ты, Обдиралко, попадешься, такъ я тебя, за твою козью бороду, на осинѣ повѣшу! Слышишь? А теперь убирайся вонъ, и изъ деревни уѣзжай, чтобы духу твоего не было — я хочу гулять у моей невѣсты! Пантелей! собери хороводъ, а я здѣсь тебя дождусь; награжу всю деревню серебромъ, золотомъ — выкати бочку пива, бочку меду — живо! Пойдемъ, Тарасьевна, пойдемъ, Маша!

ТАРАСЬЕВНА.

Какъ-же, кормилецъ...

АНДРЕЙ.

Такъ-же! *(Беретъ подъ руки Тарасьевну и Машу)* Пойдемъ — мнѣ надо съ тобой поговорить! «Веселая голова! не ходи мимо сада»! *(Уходитъ въ дверь направо).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПАНТЕЛЕЙ И ОБДИРАЛКО.

ОБДИРАЛКО.

Пантелей Кудимовичъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Ась, чего изволишь?

ОБДИРАЛКО.

Вѣдь это онъ самъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Кажись, самъ.

ОБДИРАЛКО *(озираясь).*

Раз.. бой.. никъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

А, ужь, право, не знаю!

ОБДИРАЛКО *(тихо).*

Каковъ пройдоха! Да, я его — знаешь, я его — ай!.. Одинъ пришелъ, да хочетъ застращать... Знаешь что?.. Ай! ай!

ПАНТЕЛЕЙ.

Не знаю, кормилецъ!

ОБДИРАЛКО *(скоро)*.

Онъ одинъ — побѣжимъ, собьемъ народъ, приведемъ сюда, схватимъ, свяжемъ...

ПАНТЕЛЕЙ.

То-то, каково будетъ!

ОБДИРАЛКО.

Каково будетъ! Что̀ онъ, со всей-то деревней справится что-ли!

ПАНТЕЛЕЙ.

А какъ онъ пуститъ такого волка въ нашу деревню!

ОБДИРАЛКО.

А ка̀къ я пущу тебѣ такого волчка въ бороду...

ПАНТЕЛЕЙ.

Охъ!

ОБДИРАЛКО.

Пойдемъ, пойдемъ! Вѣдь я съ вами буду! Да, я его... Погоди ты, разбойникъ — я тебя, да я тебя скручу, да я... Пойдемъ, пойдемъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

АНДРЕЙ, ТАРАСЬЕВНА, МАША.

ТАРАСЬЕВНА.

Ахти, мои батюшки! Вотъ ужь этакихъ чудесъ я не ждала! Такъ ты, Маша, жена Андрея Кузьмича? Да, когда-жь это?

АНДРЕЙ.

А помнишь, какъ о Петровкахъ ты въ Разгуляево на три дня ѣздила — я подъѣхалъ въ лодкѣ, взялъ Машу, обвѣнчался и назадъ привезъ!

ТАРАСЬЕВНА.

Да, ка̀къ-же я-то, старая дура, ничего не видала?

АНДРЕЙ.

Развѣ я не любъ тебѣ зять?

ТАРАСЬЕВНА.

Что̀ и говорить!

АНДРЕЙ.

А у Маши и спрашивать нечего. А за то̀ ужъ я обошью васъ обѣихъ въ парчу и бархатъ, въ пухъ лебяжій....

Много за душу свою, одинокую,
Много нарядовъ куплю —
Я-ль виноватъ, что тебя, черноокую,
Больше, чѣмъ душу люблю!

ТАРАСЬЕВНА.

Но ка̀къ-же ты ѣдешь, а Обдиралко.... вѣдь ты, видишь — не купчина — самъ говорить изволишь!

АНДРЕЙ.

Посмѣетъ Обдиралко твой.... Да, вамъ не оставаться здѣсь. Сегодня-же пришлю за вами лодку, и отправлю васъ въ Астрахань.... Живи, дожидайся меня, Маша, а я ворочусь скоро — долго-ли Сибирь завоевать! Да, смотри, уговоръ: не плакать, не сокрушаться, не губить своей красоты!

МАРІЯ.

Да, увидимся-ли мы еще до вашего похода?

АНДРЕЙ.

Не знаю, моя разлапушка — если можно будетъ, прискачу на минутку... Далеко-ли отсюда до Царицына перевоза...

МАРІЯ.

А вы тамъ собираетесь?

АНДРЕЙ.

Да, и я туда спѣшу — прощай!

МАРІЯ.

Андрей!

АНДРЕЙ.

А уговоръ-то?

МАРІЯ.

Помню, помню!

АНДРЕЙ.

Охъ! Маша! Охъ! ка́къ я люблю тебя... Ну, ну! не заплакать-бы самому.... О чемъ плакать.... Маша!

ТАРА́СЬЕВНА.

Ахти! мои батюшки свѣты! ужь диковинки!

АНДРЕЙ.

Прощай, не ходи провожать меня, а ты, Тарасьевна, пойдемъ со мной до пристани — я тебѣ все разскажу, и накажу, ка́къ Машу мою лѣлѣять и беречь, и куда граматки пересылать.... Пойдемъ!

(*Уходитъ поспѣшно*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

МАРІЯ (*одна*)

Такъ онъ могъ подумать, что я пережила-бы съ нимъ разлуку, когда не рѣшилась-бы не разлучаться съ нимъ?

Онъ могъ подумать, что я отпущу его въ походъ и могу не умереть? Андрей! не такъ ты любишь меня, ка́къ я тебя люблю!

Съ тобой, съ тобой! На край свѣта съ тобой! Господи благослови! Женѣ удалаго казака долго-ли сбираться! Переодѣнусь въ то платье, которое онъ тогда оставилъ здѣсь, уйду изъ деревни, найму подводу, и запишусь въ дружину Ермакову... Прощай, Волга-матушка! Разлюбить не могу, разлучиться не умѣю — пережить разлуку — гдѣ силы взять?

(*Уходитъ направо*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ПАНТЕЛЕЙ И ОБДИРАЛКО (*у окна*).

ОБДИРАЛКО.

Ты посмотри....

ПАНТЕЛЕЙ.

Нѣтъ! ужь ты, родимый, посмотри!

ОБДИРАЛКО.

Твое дѣло — ты староста!

ПАНТЕЛЕЙ.

Ты сыщикъ, а то́, какъ онъ шарахнетъ — вишь какой сорванецъ!

ОБДИРАЛКО (*глядитъ въ окно*).

Ну, его нѣтъ! Ступай!

(*Они у дверей*).

ПАНТЕЛЕЙ.

Тебѣ первому!

ОБДИРАЛКО.

Нѣтъ! тебѣ!

ПАНТЕЛЕЙ.

Могу-ли отнять почетъ!

ОБДИРАЛКО.

Ступай, ступай!

(*Вталкиваетъ его*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ПАНТЕЛЕЙ, ОБДИРАЛКО, КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНКИ (*всѣ вооружены вилами, граблями, дубьемъ, ухватами. У Обдиралки длинное ружье*).

ОБДИРАЛКО.

Ну, теперь входи всѣ! Становись въ строй — обходи круго́мъ! Ладно! Староста Пантелей! Сколько народу всего на все собрано?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, почитай человѣкъ десятковъ пять!

ОБДИРАЛКО.

Поставлена-ли стража вокругъ двора?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, ты самъ ставилъ!

ОБДИРАЛКО.

Да, вѣдь тебѣ главное начальство отдано!

ПАНТЕЛЕЙ.

Нѣтъ, родимый, ужь уволь!

ОБДИРАЛКО.

Воевода тебя за вѣрную службу пожалуетъ, а ты всѣхъ вознаградишь... раздашь — по алтыну на брата! Нѣтъ! ты лучше эти деньги отсчитаешь мнѣ, а я самъ раздамъ.

ПАНТЕЛЕЙ.

Охъ!

ОБДИРАЛКО.

А тройка съ телегой готова?

ПАНТЕЛЕЙ.

Самолучшая — у воротъ стоитъ, съ моимъ батракомъ Иваномъ.

ОБДИРАЛКО.

Вотъ, мы этого разбойника схватимъ, оттузимъ, свяжемъ, въ телегу, да и въ Астрахань!

ПАНТЕЛЕЙ.

А тройку-то ты воротишь мнѣ?

ОБДИРАЛКО.

Тамъ ужь, какъ судъ разсудитъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

Охъ!

ОБДИРАЛКО.

Ты все охаешь — трусъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

Тебѣ воевать дѣло привычное....

ОБДИРАЛКО:

Вотъ увидишь мою храбрость.... Ай! (*Всѣ пугаются.*) Чего вы робѣете, трусы! Стой, равняйся! Эхъ! забыли для подкрѣ-

пленія храбрости — выпить бы.... Ну, и такъ ладно — справимся! Слушай, дружина молодецкая! Вотъ тутъ сидитъ воръ, разбойникъ — ну! — Намъ надо его изловить — ну! — За то вамъ всѣмъ староста Пантелей дастъ — по алтыну! Ну! Смотри же, не робѣть, разомъ—убьетъ онъ двухъ, трехъ....

ПАНТЕЛЕЙ.

Охти!

ОБДИРАЛКО.

Вѣчная слава тѣмъ, а я.... я.... подамъ вамъ примѣръ — пойду за вами! Ставь сюда, у дверей, двухъ — сюда двухъ — къ окну двухъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

А на что же, родимый?

ОБДИРАЛКО.

Не выпускать его, какъ побѣжитъ!

ПАНТЕЛЕЙ.

А мнѣ кажись — если онъ побѣжитъ, такъ лучше всего пропустить его — сгинь онъ, окаянный!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и МАША (*переодѣтая, съ саблей и пистолетами*).

МАРІЯ (*отворяя немного дверь*).

Что это они собрались? Ахъ! бѣда! Обдиралко!

(*Опять запираетъ дверь*).

ОБДИРАЛКО.

У! у! у! Староста! Мнѣ показалось, будто дверь-то отворялась;

ПАНТЕЛЕЙ.

Охъ!

ОБДИРАЛКО.

Чтó медлить! Разомъ — Ну, ребята, ну, ну, ну! Что жь вы стали?

ПАНТЕЛЕЙ.

Не пустить ли намъ бабъ-то впередъ? Они его на ухваты примутъ, а мы и наляжемъ!

ОБДИРАЛКО.

Дѣло! Бабы впередъ!

(*Маша отворяетъ дверь и вдругъ запираетъ. Всѣ кричатъ*).

МАРІЯ.

О! да эта дружина не опасна! (*Вдругъ выбѣгаетъ*) Прочь! Чтó вамъ надо?

(*Всѣ бѣгутъ и прячутся*).

ОБДИРАЛКО.

Бери его! Держи его!

МАРІЯ.

Прочь! (*Она стрѣляетъ изъ пистолета. Всѣ падаютъ. Она убѣгаетъ въ двери. Слышенъ голосъ ея:* «По всѣмъ по тремъ, коренной не тронь!» *Колокольчикъ звенитъ*).

ОБДИРАЛКО (*лежитъ*).

Ой! подстрѣлилъ!

ПАНТЕЛЕЙ (*лежитъ*).

Охъ! зарѣзалъ!

ОБДИРАЛКО.

Пантелей Кудимовичъ! ты живъ?

ПАНТЕЛЕЙ.

Да, ужь не знаю, родимый!

ОБДИРАЛКО.

Да, что-жь ты лежишь, словно семга! Я умираю— четыре пули, вотъ тутъ, тутъ, тутъ! ой, ой, ой! Помогите!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ-же и ИВАНЪ.

ИВАНЪ.

Староста! разбойникъ-атъ убѣжалъ!

ВСѢ (*вскакиваютъ*).

Убѣжалъ!

ИВАНЪ.

Выскочилъ, да и къ тройкѣ.... А я говорю.... не твоя!... А онъ говоритъ — прочь!

ОБДИРАЛКО.

А ты-бы его за воротъ, да ко мнѣ! Этакой трусъ!

ИВАНЪ.

А онъ вскочилъ въ телегу, ударилъ по лошадямъ — такъ только пыль взвилась!

ПАНТЕЛЕЙ.

Охти! такъ моя тройка...

ИВАНЪ.

Да, чего тебѣ тройка! Ужь и слѣдъ простылъ!

ОБДИРАЛКО.

Такъ бѣгите-же, ловите! Кричи: «Караулъ! караулъ! Лови! лови!»

ВСЕ (*бѣгутъ вонъ*).

Караулъ! Лови, лови!

(*Обдиралко и Пантелей глядятъ другъ на друга*).

ОБДИРАЛКО.

Ну, что?

ПАНТЕЛЕЙ.

А што?

ОБДИРАЛКО.

А расплатиться-то?

ПАНТЕЛЕЙ.

Э! убирайся ты! (*Уходитъ.*)

ОБДИРАЛКО.

Нѣтъ, дружище! раздѣлайся!

(*Цѣпляется за его карманъ, и спѣшитъ за нимъ*).

—

Берегъ Волги. Суда на рѣкѣ. Народъ работаетъ, нагружаетъ ихъ; другіе убираютъ паруса.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

МЕЩЕРЯКЪ (*одинъ*).

Да! Вотъ ты только сдумаешь, сгадаешь,
Придетъ, вотъ словно бѣсъ нечистый,
И подъ ноги тебѣ колоду броситъ,
И ты кувыркнешься, и все, что ты придумалъ,
Все, что ты угадалъ — чортъ съ хрѣномъ съѣстъ!
Когда въ дружинахъ Царскихъ были мы въ Инфлянтахъ,
Ужъ, кажется, придумалъ я хитро.
Еще-бы день, и войско Іоанна
Попалось въ лапы Сигизмунда.

Анъ вотъ-нѣтъ!... Чортъ знаетъ какъ,
Все разузнали, плохо приходилось мнѣ,
И я шмыгнулъ на Волгу, и умомъ, и такъ-и-сякъ,
Уладилъ все, и — вотъ нелегкая приноситъ
Григорья Аникѣича.... Да, нѣтъ ужь, погоди!
Медвѣдя этого сумѣемъ мы скрутить —
Змѣей я обовьюсь, и чорной кошкой
Черезъ дорогу перепрыгну, и какъ филинъ вѣщій,
Накличу на него бѣду! Пускай воюетъ,
А мы плоды побѣды соберемъ!
Теперь надѣнемъ харю, вотъ, какъ я видалъ,
Въ Инфлянтахъ Нѣмцы хари надѣваютъ,
О святкахъ, да о масляной.... (*Завидя Строганова*) А! вотъ онъ!
Прикинемся смиреннымъ.... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

СТРОГАНОВЪ (*входитъ*).

СТРОГАНОВЪ.

О, какъ благолѣпенъ,
Какъ былъ великъ онъ, и какъ взоръ его блисталъ,
Когда онъ съ рѣчью обратился, и дружина,
Безмолвствуя, ему внимая, преклонила
Колѣна передъ алтаремъ Господнимъ,
И Бога битвъ благословенія просила!
То не былъ кликъ толпы безумной,
То не былъ вопль неистовыхъ дружинъ,
На бой стремящихся, какъ въ буйный пиръ!
То было твердое сознанье воли,
Повелѣвающей судьбою битвъ.... Старикъ!
Благодари Творца! Ты угадалъ,
Ты подарилъ Россіи Ермака!
Ты въ буйномъ атаманѣ проникалъ
Вождя дружинъ, совѣтовъ мужа, полководца,
Способнаго пронесть орловъ Россіи
За дальній край сибирскихъ рубежей....

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

СТРОГАНОВЪ, ЕРМАКЪ, АНДРЕЙ.

СТРОГАНОВЪ.

Ермакъ!

ЕРМАКЪ.

Не говори, Григорій Аникѣичъ!
Дай мнѣ еще тѣмъ чувствомъ усладиться,
Которымъ вся исполнилась душа!
Преступникъ окаянный! десять лѣтъ
Я не входилъ во храмъ Господень,
Я не слыхалъ божественныхъ молитвъ.
Какъ Каинъ — я отъ алтаря Господня убѣгалъ;
Звонъ колокола, вѣщій гласъ спасенья,
Казалось, мнѣ грозилъ проклятьемъ....
И все мнѣ возвратилось — миръ души,
Молитвы сладость, слезы, миръ Господень!
Со мной моя дружина — скопище злодѣевъ,
Преображенная въ дружину православныхъ,
И крѣпкихъ въ брани воиновъ! Святой водой
Они окроплены, молитвой вѣры
Они очищены, и съ знаменьемъ креста
Стратигами во брани станутъ!...

СТРОГАНОВЪ.

Все готово.
Когда ты назначаешь день похода?

ЕРМАКЪ.

Сей день — сей часъ!

СТРОГАНОВЪ.

Но не подождать ли намъ еще
Охотниковъ? Они идутъ толпами,
И просятся съ тобой въ Сибирь.

ЕРМАКЪ.

Не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ! Восемь сотъ
Отборныхъ воиновъ со мной — довольно.
У Гедеона было меньше ихъ!
Опасно медлить — слабъ и бѣденъ человѣкъ!
Скорѣе отдѣлить ихъ отъ соблазновъ,
Отъ прелести мірской, людскихъ навѣтовъ,
Отъ грѣшнаго раскаянья.... Въ походъ!
По милости твоей, суда нагружены
Снарядомъ боевымъ, запасомъ хлѣбнымъ.
Не переломать намъ копій и мечей,
Кольчугъ не износить и стрѣлъ не разстрѣлять
Которыми ты щедро наградилъ!
Григорій Аникѣичъ! Благъ твой подвигъ:
Ты не скрываешь здѣсь сокровища, готовишь
Сокровища себѣ на небесахъ,
И Богъ тебѣ воздастъ сторицей,
И Царь тебѣ воздастъ почетомъ....
Андрей! ступай, вели идти дружинѣ на суда,
Сюда собраться есауламъ....

СТРОГАНОВЪ.

Я иду за хлѣбомъ-солью,
И проводить тебя явлюсь.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ЕРМАКЪ (*одинъ*).

Прощай, родимый край!
Прощай ты, Волга-матушка, рѣка-царица,
Раздолье дикой юности моей!
Ужь скоро часъ ударитъ — каждый шагъ
Насъ будетъ отдѣлять отъ родины!
Кто знаетъ — приведетъ-ли Богъ опять
Увидѣть васъ, родимыя мѣста!
Такъ дайте-жь надышаться мнѣ въ послѣдній разъ,
Родимымъ воздухомъ! Мнѣ дайте наглядѣться

На небо, на́ воды, на Божіе созданье,
Наслушаться землячекъ-птичекъ —
Взять горсть земли родной, и на груди,
Здѣсь сохранить ее — и въ смертный часъ
Облобызать ее, какъ мать родную — и когда
Въ чужой землѣ мнѣ будутъ рыть могилу,
Ты, горсть родной земли, прикроешь
Мой хладный трупъ — его согрѣешь ты!

ЯВЛЕНІЕ XX.

ЕРМАКЪ И МАРІЯ (*переодѣтая*).

МАРІЯ.

Ермакъ Тимоѳеичъ! позволь ударить тебѣ челомъ!

ЕРМАКЪ (*въ сторону, содрогаясь*).

Боже! Какой голосъ? Кого я вижу? Демонъ соблазнитель! или ты явился напомнить мнѣ неотмолимые грѣхи мои? Смущать меня въ святыя минуты, когда я готовлюсь на избранный подвигъ? Нѣтъ, нѣтъ! вѣдь я не заключилъ съ тобой неразрывнаго условія? Вѣдь я не продавалъ тебѣ души моей? Не давалъ тебѣ рукописанья? Я отрекся отъ тебя и отъ дѣлъ твоихъ. Раскаяніе очистило душу мою. Зачѣмъ же ты пришелъ?... (*Маріи*) Что тебѣ надобно?

МАРІЯ.

Я пришелъ проситься въ твою дружину. Поволь принять меня.

ЕРМАКЪ.

Кто ты?

МАРІЯ.

Я?... (*Въ сторону*) Что́ я ему скажу?

ЕРМАКЪ.

Ка́къ зовутъ тебя?

МАРІЯ (*въ-сторону*).

Ахъ! Царь небесный! я и не подумала какъ мнѣ назвать себя!

ЕРМАКЪ.

Ты смущаешься!

МАРІЯ.

И могу-ли не смутиться, когда вижу передъ собою великаго Ермака!

ЕРМАКЪ.

Юноша! не пріучай языкъ свой къ лести!

МАРІЯ.

Не лесть, здѣсь сердце говоритъ. Ермакъ!
При имени твоемъ чье сердце не забьется,
И чья рука къ мечу не обратится?
Безроденъ я — позволь идти съ тобою;
Безвѣстенъ я — къ чему тебѣ, кто я?

ЕРМАКЪ.

У тебя нѣтъ отца?

МАРІЯ.

Нѣтъ.

ЕРМАКЪ.

И матери — *матери*?

МАРІЯ.

Нѣтъ.

ЕРМАКЪ.

И ни роду, ни племени?

МАРІЯ.

Нѣтъ! Въ чужой семьѣ выросъ я; зовутъ меня Өедюшка Без-

родный. Житье мое плохое — чужой хлѣбъ горекъ — вотъ тебѣ вся жизнь моя — я весь тутъ — ни предо-мной, ни за мной!

ЕРМАКЪ (*въ-сторону*).

Нѣтъ! Быть не можетъ, чтобы этотъ голосъ,
Который такъ отрадно вьется къ сердцу,
Былъ голосъ демона прельстителя — и этотъ взоръ,
Который свѣтитъ, какъ весною небо свѣтитъ,
Былъ взоромъ обаятеля грѣховъ.... Нѣтъ, нѣтъ!
Лишъ духи неба могутъ принимать
Такой прекрасный, сердцу милый образъ!
А ты, воспоминаніе! задохнись!... Случай!...
Какъ будто онъ не могъ родиться
Похожій на нее, какъ братъ?
Случай!.. Юноша! ты разсудилъ-ли здраво,
Какой ты подвигъ предпріемлешь?
Твоею-ли рукой подъять тяжолый мечъ?
Тебѣ-ли взяться за копье, и шлемъ желѣзный
На юную, тебѣ-ли возложить главу?
Походъ нашъ будетъ трудный, тяжкій, и далеко,
Черезъ дремучіе лѣса, и черезъ зной степей, и черезъ горы,
На коихъ вѣчно ледъ не таетъ, мы пойдемъ!
Намѣсто пѣсни, ты услышишь ревъ звѣрей,
У изголовья будутъ стражей голодъ съ жаждой,
Шатеръ — небесный сводъ, а одѣяло —
Пушистый снѣгъ, возвѣянный мятелью,
И врагъ кругомъ, изъ каждаго куста, изъ за утеса...

МАРІЯ.

А Божья помощь?

ЕРМАКЪ.

Смерть въ бою — она страшна!
Она такъ близко — ты ея дыханье слышишь!

МАРІЯ.

Но когда
Смерть не близка, не ходитъ вокругъ насъ,
И легче-ль смерть на скорбномъ ложѣ,

Когда любовь надъ нимъ не плачетъ,
И все, что̀ сердцу дорого — далеко? Нѣтъ!
Ермакъ! Богъ дастъ мнѣ силы! Я слыхалъ,
Что былъ когда-то отрокъ слабый,
И передъ нимъ, его рукою палъ
Могучій великанъ, передъ которымъ
Рать трепетала!

ЕРМАКЪ (*вглядываясь въ нее*).

Ты не знаешь,
Ка́къ звали твоего отца?

МАРІЯ.

Не знаю.

ЕРМАКЪ.

И *имя матери* — ужели ни однажды
Его передъ тобою не сказали?

МАРІЯ.

Нѣтъ!
Я здѣсь живу у рыбаковъ....

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ-же и АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ.

Григорій Аникѣичъ.... Боже, Царь небесный!
Кого я вижу? Ты-ли?

МАРІЯ.

Братъ, Андрей Кузьмичъ!
Ужь-ли ты, не узналъ меня, Ѳедюшку
Безроднаго? Вотъ, атаманъ — меня онъ знаетъ,
Мы давно знакомы съ нимъ — друзья!

ЕРМАКЪ.

За чѣмъ-же,
Ты не сказалъ давно, что съ нимъ знакомъ?
(*Андрею*).
Его ты знаешь?

АНДРЕЙ (*смущаясь*).

Я... Да...

МАРІЯ. (*весело*).

А, братъ! Видно ты опять
Задумалъ уговаривать меня
Нейдти въ походъ, въ дружину Ермакову!
Ермакъ! я умоляю словъ его не слушать —
Мы съ нимъ... Мы братья съ нимъ крестовые — нѣтъ! больше!
Мы клятву дали вмѣстѣ жить и умереть,
А онъ, онъ хочетъ разлучиться, умереть одинъ —
Меня не любитъ онъ!

АНДРЕЙ.

Я не люблю?

ЕРМАКЪ.

Довольно!
Тебя я принимаю.

МАРІЯ И АНДРЕЙ.

Принимаешь?

ЕРМАКЪ.

Оба вы
Мои оруженосцы будьте; сагайдакъ
Мой атаманскій вамъ я поручу,
И какъ дѣтей моихъ, учить васъ стану
Всей хитрости воинской; въ васъ себѣ я приготовлю
Наслѣдниковъ моихъ. Вождю не столько сила,
Сколь умъ потребенъ и воинскій опытъ.
Измлада пріучу васъ...
(*Трубы*).

Подапъ знакъ! Иду!
Благослови, благослови Господь!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

АНДРЕЙ И МАРІЯ.

АНДРЕЙ.

Ахъ! Маша!
Безумная! Что̀, что̀ ты дѣлаешь...

МАРІЯ.

А ты подумалъ,
Что разлучиться можемъ мы? Что я останусь?
Что жить съ тобой могу въ разлукѣ?

АНДРЕЙ.

Нѣтъ! ты не можешь ѣхать съ нами! Нѣтъ! обмана
Не допущу!

МАРІЯ.

А смерть мою допустишь?

АНДРЕЙ.

Обѣтъ мы дали: женщинъ въ станъ не принимать —
Ни женъ, и ни сестеръ!

МАРІЯ.

А ты мнѣ прежде
Обѣта развѣ не далъ вѣкъ не разлучаться?
Андрей! и я клянусь всесильнымъ Богомъ —
Не разлучусь съ тобою — бей меня, гони — убей,
Не разлучусь...

АНДРЕЙ.

Мой долгъ...

МАРІЯ.

Что-жъ? Обезславь,
Позорь меня передъ дружиною... Скажи...

АНДРЕЙ.

Маша! Маша!

МАРІЯ.

Не женой, сестрой твоей я буду,
Рабой, товарищемъ, соратникомъ твоимъ —
Я заслоню тебя на битвѣ, и когда
Врагъ поразитъ тебя, слезами
Омою раны я кровавыя твои!
Умру съ тобой — въ одной могилѣ лягу...
Андрей, Андрей!

АНДРЕЙ.

Ахъ! Маша!
Чего ты требуешь, душа моя!... Какъ тяжко!

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

ТѢ-ЖЕ И МЕЩЕРЯКЪ.

МЕЩЕРЯКЪ.

Ба, ба, ба! Что это? Видно, прощанье, разставанье... Эге! да какой-же лихой молодчикъ! Да, какой молоденькой! Да, какой красивый! Да, ужь не красотка-ли это переодѣтая?

АНДРЕЙ.

Съ чего ты взялъ? Это... моя родня... братъ...

МЕЩЕРЯКЪ.

Не сестрица-ли полно?

АНДРЕЙ.

Братъ... Сидоръ...

МАРІЯ (*тихо*).

Өедоръ! Өедоръ! (*Громко*) А ты кто?

МЕЩЕРЯКЪ.

Экой голосокъ! Вотъ точно дѣвичій! Ну, коли поволишь — я товарищъ братцу твоему — есаулъ Терентій Мещерякъ!

МАРІЯ.

Такъ просимъ любить, да жаловать — Өедька Безродный!

МЕЩЕРЯКЪ.

А не Сидоръ?

МАРІЯ.

Какой Сидоръ! Я иду съ вами. Атаманъ принялъ меня въ свою дружину.

МЕЩЕРЯКЪ (*въ-сторону*).

Понимаемъ! Шашни! Неужли нашъ старый чортъ соблазнился? Аль этотъ безбородый богатырь? (*Громко*) Право? Поздравляю, поздравляю! Да, ка́къ и не принять: вишь какой молодчина! Ручищи-то какія — хоть-бы Ильѣ Муромцу — десятерымъ Татарамъ съ разу головы срубишь!

МАРІЯ.

Да, толкуй-себѣ о ручищахъ! А знаешь-ли, что вотъ этими руками я какую хошь тройку управлю, и тяжолое весло изъ рукъ моихъ никогда не вываливалось? Посмотри-ка еще моей удали!

МЕЩЕРЯКЪ.

Э! да, ты залихой! А за чару зеленаго принимался-ли?

МАРІЯ.

Нѣтъ, есаулъ! Хмѣльнаго отродясь не пивалъ.

МЕЩЕРЯКЪ.

Хмѣльнаго и не пей, а держись, братъ, матери нашей сивухи — въ ней хмѣлю нѣтъ, а душѣ отрада.... И къ красной дѣвицѣ подойдти какъ-то смѣлѣе.... А ужъ ты, вѣрно, ходокъ? А?

МАРІЯ (*тихо*).

Андрей!

АНДРЕЙ.

Что̀ это, есаулъ, будто ты не знаешь, что атаманъ запретилъ всякое празднословіе въ походѣ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Да, вѣдь, походъ еще не начинался. Успѣемъ напоститься, наговѣться, накорчить кислыхъ рожь, когда начнемъ походъ.... Пойдемъ, какъ честные иноки.... али, какъ честныя инокини.... А? Сидоръ?

МАРІЯ.

Ѳедоръ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Да, бишь, Ѳедоръ! (*Въ-сторону*) Хорошо! А ужь я увѣренъ, что тутъ не безъ-того-сего, прочаго другаго, вотъ этакого! Хмъ! ладно! Это такъ, смотаемъ на усъ.... Оно, конечно, не безъ бабъ и въ Сибири, а все-таки лучше, какъ красотка этакая подъ бокомъ, да и землячка....

(*Пушечный выстрѣлъ. На судахъ начинаютъ звонить въ колоколъ. Бубны и трубы играютъ походъ. На судахъ является народъ; распускаютъ паруса; слышенъ крикъ рабочихъ.*)

АНДРЕЙ.

Походъ! Походъ! Ѳедоръ! пойдемъ! (*Они бѣгутъ.*)

МЕЩЕРЯКЪ.

Этакъ побѣжали, какъ-будто на жирную кулебяку ихъ позвали! Поплетемся и мы.... А для ради.... (*Осматривается*) Атаманъ не

увидитъ! (*Вынимаетъ фляжку.*) Буль, буль, буль! (*Пьетъ*). Куда годится русскій человѣкъ безъ матушки-сивушки! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Дружины идутъ подъ звуки трубъ и бубновъ, предводимыя Кольцомъ, Кузьмою, Мещерякомъ. Онѣ обходятъ кругомъ и становятся строемъ, въ глубинѣ сцены. Съ одной стороны является Ермакъ, вооруженный, и за нимъ Андрей и Марія несутъ его копье, ружье и сайдакъ. Съ другой Строгановъ съ хлѣбомъ-солью, а за нимъ народъ и несутъ хоругвь.

СТРОГАНОВЪ.

Ермакъ Тимооеичъ! Русская земля, въ лицѣ моемъ, здравія тебѣ желаетъ и счастливаго пути, и бьетъ тебѣ челомъ хлѣбомъ-солью!

НАРОДЪ.

Дай Богъ часъ! Дай Богъ часъ!

ЕРМАКЪ.

Пріемлю даръ послѣдній родины моей,
Хлѣбъ-соль — беру ихъ, лобызаю!
(*Онъ цѣлуетъ хлѣбъ.*)
Блюдо золотое
Возьми обратно, и вели: Николѣ Чудотворцу
Построить ризу изъ него на ликъ святой,
Да будетъ намъ помощникъ, покровитель!
Намъ золота не надо — Божья помощь и желѣзо!

СТРОГАНОВЪ.

Вотъ граматка отъ воеводы астраханскаго. Онъ пишетъ,
Что въ ней найдешь ты имя казака,
Измѣнника, который продавалъ тебя ему.
Совѣтуетъ тебѣ злодѣя остеречься.

МЕЩЕРЯКЪ (*въ испугѣ*).

Злодѣя имя? Развѣ между нами были
Измѣнники? Клевещетъ онъ!

ЕРМАКЪ (*спокойно*).

Чего бояться?
Любовь твою ко мнѣ я знаю, есаулъ, —
Не бойся! *Были* — нѣтъ теперь измѣнниковъ межъ нами.
Воръ вора продавалъ, но мы, дружина вѣрныхъ,
Не продаемъ другъ друга — между нами
Измѣны нѣтъ. Дай граматку!

(*Беретъ письмо и деретъ его.*)

На вѣки,
Да истребится память о быломъ!
Ермакъ, атаманъ вѣрныхъ казаковъ,
Не мститъ за Ермака разбойника!

МЕЩЕРЯКЪ (*въ-сторону*).

Ухъ! отлегло!

(*Громко.*)
Мы всѣ клянемся, всѣ....

ЕРМАКЪ.

Не нужны клятвы —
На дѣлѣ мы увидимъ!
Гдѣ хоругвь,
Гдѣ знамя наше, знаменье побѣдъ?

(*Беретъ хоругвь*).

Хоругвь святая! на стѣнахъ Сибири
Тебя поставимъ мы, или костьми
На бранномъ ляжемъ полѣ,
А мертвіи не имутъ срама!
Ты, Кузьма,
Ты охранителемъ хоругви нашей будь —
Будь съ нею впереди всегда, и да трепещетъ врагъ,

Когда тебя со знаменемъ увидитъ!

(*Онъ снимаетъ шлемъ и безмолвно молится.*)

Съ нами Богъ! Ура!

ВСѢ.

Ура! ура!

(*Бубны и трубы. Ермакъ спѣшитъ на суда.*)

СТРОГАНОВЪ.

Гряди, избранникъ!
Благословенъ грядый во имя Бога!

═

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ВѢНЕЦЪ И ЦѢПИ.

═

Поляна среди дремучаго лѣса. Рача, сибирскій идолъ, на жертвенникѣ, и передъ нимъ огонь. Шаманы пляшутъ вокругъ него, и бьютъ въ бубны съ унылыми криками. Вдали слышны выстрѣлы.

ЯВЛЕНІЕ I.

ШАМАНЪ (*на колѣняхъ*).

Вѣйте, буйные вихри, шумите бураны,
Тучи снѣговыя, куры́ степныя! Горе, горе!

Сибири участь совершилась! Рачи гнѣвъ
Отяготѣлъ побѣдой пришлецовъ! О горе, горе!

ШАМАНЫ.

Горе, горе!

ШАМАНЪ.

Настала невзгода, колеблется тронъ,
Поникнули горы въ уныньи челомъ,
Бѣда со всѣхъ свѣта явилась сторонъ,
Сибирь чуетъ рабства ярёмъ!

ШАМАНЫ.

Горе! горе! горе!

ШАМАНЪ.

Отколѣ ты, пришлецъ нежданный,
Явился, громъ неся въ рукахъ?
Какъ Рачи гнѣвъ, какъ вихорь бранный,
Какъ столпъ огня, какъ паръ туманный,
Какъ бури ревъ и трескъ въ лѣсахъ,
Протекъ въ Сибирскихъ онъ странахъ!
Ничто предъ нимъ не устояло,
И все добычей брани стало!
Сибири царство онъ попралъ!
Лѣсъ копій, ратей ополченья,
Твердынь и градовъ укрѣпленья
Рукой могучей разметалъ!
Идутъ враги!
Рача! помоги!

ШАМАНЫ.

Рача! помоги!

ШАМАНЪ.

Взволнуй подъ ихъ ногами землю,

Разсыпь изъ облаковъ перуны,
Туманомъ ослѣпи ихъ очи,
Стѣною влажной рѣки подыми!
Рача! помоги!

(*Громъ и свистъ вѣтра. Огонь на жертвенникѣ потухаетъ. Молнія пролетаетъ по лѣсу*).

ВСѢ ШАМАНЫ.

О горе, горе, горе!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же, МАХМЕТЪ-КУЛЪ, сибирскіе ВОИНЫ, а потомъ КАЗАКИ и ЕРМАКЪ.

МАХМЕТЪ-КУЛЪ (*бросая свой изломанный мечъ*).

Прочь, безполезный мечъ — кусокъ желѣза!
Будь проклята рука, сковавшая тебя,
Не закалившая врагу на гибель!

ШАМАНЪ.

О Шайтаны!
Тебя-ли вижу, Махметъ-Кулъ могучій,
Безстрашный вождь сибирскихъ ополченій?
Или тебѣ побѣда измѣнила?

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Измѣнила!
Враги, какъ вьюга, какъ потоки съ горъ,
Летятъ, стремятся! Что-жь твой безполезный богъ?
Что-жь ты не вымолилъ побѣды у него?
Зачѣмъ ты приносилъ сточисленныя жертвы?

ШАМАНЪ.

Пало царство сильнаго Кучума!

Побѣжденъ могучій Махметъ-Кулъ!

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Нѣтъ! Онъ не побѣжденъ, и царство
Великаго Кучума не погибло,
Пока не палъ во брани Махметъ-Кулъ!
Безсильный богъ! тебя я отвергаю!
Мечъ, мечъ мой будетъ богомъ мнѣ!
Тамъ брань кипитъ! Туда! туда!

(Выстрѣлы и бубны).

ВОИНЫ *(бѣгутъ черезъ сцену).*

Ермакъ! Ермакъ!

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Стой, бѣглецы, стой! Нѣтъ! ничтó
Ихъ удержать не сильно! Мечъ! Мечъ дайте мнѣ!

(Другіе воины вбѣгаютъ. За ними казаки. Битва).

ГОЛОСЪ ЕРМАКА.

Съ нами Богъ!

ШАМАНЪ *(съ воплемъ, въ отчаяніи, падая передъ жертвенникомъ).*

О Рача! помоги!

(Громъ)

ЕРМАКЪ *(врываясь на сцену).*

Ура!
Побѣда!

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Нѣтъ! не твоя еще побѣда!
Я живъ! Остановись, Ермакъ!

ЕРМАКЪ.

Покорствуй!

Ты безоруженъ!

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Пользуйся удачей!
Хвались, вооруженный — безоруженъ я!
Но испытай, осмѣлься взять меня!

ЕРМАКЪ.

Врагъ гордый! Смѣешь ли ты вызвать Ермака?
Я жизнь тебѣ дарилъ, — твой вызовъ принимаю!
Ты безъ меча и шлема — я бросаю
Мой шлемъ, мой мечъ!

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Теперь бой равенъ —
Я задушу тебя!

ЕРМАКЪ.

Отвѣдай русской силы!

(*Они схватываются и борются. Воины прекращаютъ битву и стоятъ неподвижно*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ-ЖЕ, КОЛЬЦО, КУЗЬМА, КАЗАКИ (*они хотятъ броситься на помощь*).

КОЛЬЦО.

Стой, стой! Не помогать — бой равенъ!

ЕРМАКЪ (*сбрасывая съ ногъ Махметъ-Кула*).

Ты мой! Жизнь или смерть?

МАХМЕТЪ-КУЛЪ (*яротсно*).

Смерть, смерть,

Смерть, смерть! О, позоръ! я побѣжденъ!
Зарѣжь, убей меня! Къ чему мнѣ жизнь!

ШАМАНЫ И ВОИНЫ (*бѣгутъ*).

О, горе! горе!

ВСѢ РУССКІЕ.

Съ нами Богъ! Ура!

КОЛЬЦО.

Ермакъ!

ЕРМАКЪ.

Друзья! возьмите Махметъ-Кула,
Ведите въ станъ нашъ и почетно угостите.
Почтимъ въ немъ мужество и бѣдствіе его.

МАХМЕТЪ-КУЛЪ.

Горе! горе!

(*Его уводятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, безъ МАХМЕТЪ-КУЛА.

ЕРМАКЪ.

Но, что́? Друзья! гдѣ мы? Смотрите!
Мы ворвались въ завѣтный лѣсъ, гдѣ отъ вѣковъ
Нечистыя моленья приносились.
Здѣсь было требище богамъ поганымъ,
Здѣсь кровь текла на жертву сатанѣ!
Вотъ онъ—бурханъ проклятый! Прочь его!
Во имя Бога, свергните кумира,
И жертвенникъ нечистый разбросайте!

ВСѢ.

Ура! ура!

(*Бросаются, бьютъ, сбрасываютъ истуканъ, и ломаютъ жертвенникъ*).

КОЛЬЦО (*тащитъ и бьетъ истукана*).

А! ты, поганый демонъ!
Веревку! Зацѣпить его, таскать по стану,
Сжечь — пепелъ въ чистомъ полѣ разбросать!

ЕРМАКЪ (*становится ногою на истукана*).

Какъ палъ кумиръ поганый, такъ падетъ
Невѣріе предъ вѣрой православной,
И просіяютъ божья благодать и свѣтъ
Надъ областью Сибирской, въ тмѣ донынѣ
Коснѣвшей идоловъ служенья!
На мѣстѣ семъ, гдѣ требище кумира,
Зловоніемъ окрестность заражало,
Поставимъ Богу свѣтлый храмъ,
И въ немъ кадила ѳиміамъ,
При пѣніи согласномъ ликовъ,
Пусть дальнымъ возвѣститъ странамъ,
Преображенье, какъ на высотахъ Ѳавора,
Законъ, какъ на горѣ Синаѣ Богомъ данный!
Ты близокъ, близокъ день желанный,
Когда во имя Бога и Царя Россіи,
Съ главы Сибирскаго царя спадетъ вѣнецъ!
Мы на стѣнахъ его столицы
Хоругвь святую водрузимъ,
И сердце батюшки-Царя возвеселимъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ-ЖЕ, МЕЩЕРЯКЪ И ПОСЛАННЫЙ СТРОГАНОВА.

МЕЩЕРЯКЪ.

Вѣсть изъ Москвы! Григорій Аникѣичъ

Къ тебѣ, атаманъ, граматку прислалъ!

ЕРМАКЪ.

Вѣсть изъ Москвы! Подай, и пусть она наградой
Побѣды нашей будетъ! Ка́къ давно
Ее просило, ждало сердце, благодати вѣсть!

ПОСЛАННЫЙ.

Григорій Аникѣичъ бьетъ тебѣ челомъ,
Велѣлъ о здравіи твоемъ узнать, и посылаетъ
Тебѣ привѣтъ и граматку свою.

ЕРМАКЪ (*поспѣшно развертываетъ письмо*).

Боже! вѣрить-ли очамъ! Нѣтъ силъ!

(*Письмо валится изъ рукъ его. Онъ едва стоитъ на ногахъ, и падаетъ на камень*).

КОЛЬЦО.

Что́ такое сдѣлалось? (*Поднимаетъ письмо и читаетъ. Всѣ около него тѣсняться*) «И дошла до него Государя вѣсть, что вы, идучи русскими областями, грабили, и многое раззореніе учинили, и села пожгли, а Сибирскою стороною завладѣли, и вѣсти о томъ не даете, и видны въ томъ ваше воровство и злой умыселъ; и онъ, Государь, объявляетъ вамъ гнѣвъ и опалу, и пришлетъ къ вамъ своего окольничаго, судити васъ и казнити, тебя, Ермака, и Кольцо, и главныхъ казаковъ....

МЕЩЕРЯКЪ (*въ-сторону*)

А, а! попало мѣтко!

ЕРМАКЪ.

Ка́къ? Меня судить, казнить?
За кровь, за подвиги наградой клевета и истязанье?
И побѣдителей Сибири, въ кандалахъ,

На судъ влачить? И клеветѣ повѣрить,
Безъ оправданья, безъ суда.

КОЛЬЦО.

Чего-жъ намъ ждать?

МЕЩЕРЯКЪ.

Чего? вѣстимо — Дьякъ пріѣдетъ,
Поставитъ насъ къ допросу, къ правежу потянетъ,
Посудитъ, оберетъ, потомъ осудитъ,
И размахнетъ перомъ кудряво: *поелику*....

КОЛЬЦО.

Я дамъ ему такую *поелику*....

КУЗЬМА.

Коли спасибо не хотятъ сказать,
Такъ мы себя покажемъ.... Пусть онъ Царь....

ЕРМАКЪ.

Старикъ!
Храни уста свои — не смѣй произнести
Хуленья на Царя земнаго, образъ Божій на земли!

КОЛЬЦО.

Коли онъ Богъ земной, такъ будь и правосуденъ,
Какъ Богъ небесный правосуденъ!

ЕРМАКЪ.

Дерзкій! смѣешь-ли судить, когда небесный громъ
На нивы падаетъ, и истребляетъ жизнь, надежды селянина,
Когда потопъ и трусъ низпровергаютъ грады,
И язва губитъ царства и народы? Волѣ Бога
Въ безмолвіи покорствуй — волѣ царской
Покорствуй такъ, какъ волѣ Бога!

КОЛЬЦО.

Чтó-жь намъ дѣлать?
Чѣмъ оправдаться? Чѣмъ себя защитить?
Богъ высоко, Царь далеко! Ужели дожидаться
Присылки къ намъ подьячаго какого....

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, АНДРЕЙ И МАРІЯ.

АНДРЕЙ.

Атаманъ! къ тебѣ посольство отъ Кучума.

ЕРМАКЪ.

За-чѣмъ они?

АНДРЕЙ.

Дары, оружье принесли,
И говорить хотятъ съ тобой.

ЕРМАКЪ.

Ввести!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и ШАМАНЪ. *За нимъ несутъ дары и оружіе.*

ШАМАНЪ.

Непобѣдимый царь Сибирскія страны,
Сынъ неба, братъ луны, кому покорены
Отъ моря до моря несчетные народы,
Кому покорствуютъ земля, моря и воды,
Кучумъ, чтó властью здѣсь отъ Бога облеченъ....

ЕРМАКЪ.

Скажи, за-чѣмъ ты присланъ. Пустословье
Оставь. Непобѣдимый Царь твой, дядя солнца, братъ луны,
Чего онъ хочетъ?

ШАМАНЪ.

Мира. Могъ-бы онъ
Но васъ подвинуть ополченья — онъ жалѣетъ
И проливать не хочетъ крови ...

ЕРМАКЪ.

Да, худой миръ лучше доброй ссоры. — Мы готовы.
Пусть покорится онъ подъ власть Царя Россіи,
Крещенье приметъ, идоловъ отвергнетъ, и въ Москву
Отправится съ дарами бить челомъ....

ШАМАНЪ.

Когда падетъ послѣдній Сибирякъ,
И вмѣсто городовъ могилы станутъ,
Вспять потечетъ Иртышь, хлѣбъ въ камень,
Въ кровь вода преобразится...

ЕРМАКЪ.

И тогда
Вы покоритесь? О, такихъ чудесъ намъ долго ждать!
Безъ нихъ мы обойдемся — ужь отселѣ
Искера вашего мы видимъ башни,
И завтра станемъ подъ его стѣнами,
А послѣ завтра онъ въ развалины падетъ,
Когда вы милости не будете просить!

ШАМАНЪ.

Успѣхъ мгновенный гордость въ васъ вселилъ.

ЕРМАКЪ.

Успѣхъ мгновенный? Нашъ походъ изъ дальныхъ странъ,

Тѣ горы, рѣки, степь, лѣса, пустыни
Что мы прошли; и города, которыхъ не могли
Спасти усилья вашихъ ратей;
И вашъ царевичъ плѣнникъ — ваши боги,
Смотри — они во прахъ повержены —
И ты, съ покорностью, съ дарами
Пришедшій къ намъ — и ты мгновеннымъ
Успѣхомъ смѣешь называть труды, побѣды наши?
Знай: дали мы обѣтъ не положить меча,
Доколѣ царство ваше не падетъ,
И храма Бога истиннаго не воздвигнемъ мы
Въ Искерѣ вашемъ, и пока орелъ Россіи
Не сядетъ крѣпкимъ стражемъ чести нашей,
На вѣжахъ покоренной намъ Сибири!
И мы обѣтъ исполнимъ... Словъ не трать:
Покорность, или бой и гибель — вотъ отвѣтъ нашъ Хану!

ШАМАНЪ (*помолчавъ*).

Ермакъ! съ тобой однимъ хочу я говорить.

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ тайны между нами. Чтó ты скажешь
Мнѣ, всѣ знать должны.

ШАМАНЪ.

Внимай: великій Ханъ
Дивится подвигамъ твоимъ — онъ предлагаетъ
Тебѣ полцарства своего и дочь въ супругу.
Брань прекрати и царствуй, какъ Кучуму равный,
Двѣнадцать городовъ тебѣ онъ дастъ,
Прибавитъ и сребра и злата, камней многоцѣнныхъ,
И соболей, и узорочьевъ Индіи, Китая...
Чѣмъ воеводою быть Русскаго Царя —
Ты будешь самъ царемъ....

ЕРМАКЪ.

Мнѣ измѣнить
Ты предлагаешь? Мнѣ родство съ твоимъ царемъ поганымъ?

Ты не видалъ еще россійскихъ воеводъ,
Ты не видалъ и ратей царскихъ —
Знай: я не воевода — я казакъ простой;
Со мною бѣдныхъ казаковъ дружина.
Но если три Сибири сложишь ты,
И промѣнять предложишь за названье
Простаго казака, слуги, раба
Царя Россійскаго — не согласимся мы;
Не измѣнимъ ему присяги нашей;
Спасиба Царскаго на тронъ не промѣняемъ!
Такъ Русскій думалъ, думаетъ и будетъ думать,
И тѣмъ крѣпка, сильна, велика Русская земля.

(Ропотъ между казаками).

Что̀ вы?

МЕЩЕРЯКЪ.

Не разсудить-ли, атаманъ...

ЕРМАКЪ.

О чемъ судить?
Ка̀къ? Развѣ между долгомъ и присягой,
И преступленьемъ и измѣной выборъ можетъ быть?
Ка̀къ? Совѣстью мы станемъ торговать?

КОЛЬЦО.

Но, видишь, изъ Москвы намъ что̀ сулятъ наградой!

ЕРМАКЪ.

Такъ, развѣ изъ награды бились мы?
А не награда, что намъ Царь позволилъ
На имя воиновъ честное промѣнять
Названье татей и разбойниковъ — простилъ
Грѣхи и преступленья буйной жизни?
А не награда смерть въ бою,
Молитвы Церкви на могилахъ нашихъ,
И память вѣчная въ сердцахъ потомковъ,
И праведныхъ вѣнцы на небесахъ?

А слава подвига? А честь побѣды? Люди
Дадутъ-ли намъ награду больше?
И мы, мы, христіане, покоримся
Царю поганому, когда еще побѣда,
И то̀, чѣмъ онъ даритъ, то̀ будетъ наше?
Изъ рукъ поганаго царя мы примемъ царство,
Но православнаго Царя мы прогнѣвимъ,
И онъ на насъ пошлетъ свои дружины,
И что̀ тогда? Сражаться съ ними,
Съ невѣрными въ союзѣ? Мы подниметъ
Мечи и копья на друзей и братій?
О други! разсудите, совѣсти спросите!
Пусть Царь несправедливо насъ казнитъ—
На плаху съ чистой совѣстью я лягу,
И смерть мою вѣнцамъ и тронамъ предпочту,
Когда вѣнецъ и тронъ купить измѣной должно!

ШАМАНЪ.

И вы рѣчамъ безумнымъ вѣрить захотите?

КОЛЬЦО.

Вѣримъ! Мы привыкли вѣрить атаману!
Ура! Ермакъ!

ВСѢ.

Ура! Ермакъ!

КОЛЬЦО.

Прочь! Убирайся,
Мохнатый чортъ, съ подарками твоими!
Вишь, чортовъ сынъ, съ посулами пришелъ!
Вотъ, какъ хвачу тебя!

ЕРМАКЪ.

Пословъ,
Ты знаешь, не сѣкутъ, не рубятъ —

Не тронь его!
Ступай, что́ слышалъ, все скажи,
И не трудись къ намъ приходить напрасно —
Мы скоро въ гости сами къ вамъ придемъ!

ШАМАНЪ.

Иду, но знай, о гордый вождь, что не побѣда,
А гибель ждетъ тебя у стѣнъ Искера!
Не храбрость, насъ отчаянье подвигнетъ къ брани,
И горе вамъ, толпа безумныхъ пришлецовъ!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же, кромѣ шамана.

ЕРМАКЪ.

О! воздадимъ, друзья, хвалу и славу Богу,
Что́ демона прельщенье побѣдили мы!
Друзья! Не вѣрьте ихъ угрозамъ —
Насъ Богъ ведетъ, и кто противостанетъ?
Храните чистоту души и тѣла,
И Богъ разсыплетъ полчища враговъ,
А предъ Царемъ насъ подвигъ оправдаетъ!
Кольцо, сподвижникъ добрый! Ты въ Москву поѣдешь!

КОЛЬЦО.

Въ Москву, Ермакъ?

ЕРМАКЪ.

Въ Москву, и передъ Царскій тронъ
Ты Ермака повергнешь челобитье.
Скажи ты батюшкѣ, великому Царю,
Что́ обнесли напрасно насъ, что мы невинны,
Что́ не богатство — раны и труды

Доселѣ нашею наградой были,
Что много насъ легло на полѣ брани,
И остальнымъ грозитъ всечасно смерть,
Но вѣрны мы и Богу, и Царю, и русской чести!
Отъ словъ твоихъ исчезнетъ клевета,
Какъ отъ лучей сіяющаго солнца
Туманы исчезаютъ на поляхъ.
И если ты увидишь батюшку Царя,
И онъ изронитъ ласковое слово,
Намъ бѣднякамъ, его опальнымъ казакамъ —
Спѣши порадовать насъ вѣстью.... Если
Ты не застанешъ Ермака въ живыхъ,
Хоть на могилу принеси мнѣ слово
И бѣдныя мои обрадуй кости,
Далеко отъ полей отчизны милой мнѣ!

КОЛЬЦО, АНДРЕЙ, МАРІЯ (*бросаясь къ нему.*)

Ермакъ!

ЕРМАКЪ.

Друзья! довольно! Если-бъ клеветникъ,
Который обнести дерзнулъ меня позоромъ,
Увидѣлъ, какъ горька моя слеза —
Онъ побоялся-бы ея.... Какъ уголь горящій,
Она ему на совѣсть упадетъ,
И онъ потокомъ слезъ ея не смоетъ!
Сегодня отдыхъ — завтра бой! Готовьтесь,
И выпаримъ Кучума мы въ кровавой банѣ,
Такъ выпаримъ, что позабудетъ насъ стращать!

(*Уходитъ.*)

МЕЩЕРЯКЪ (*одинъ.*)

Постой, братъ атаманъ, не попарятъ-ли сперва тебя хорошенько! Дурачье! сдались на его красныя слова, и забыли присловье: что взято, то свято — не сули журавля въ полѣ, а дай синицу, да въ руки.... Тутъ надо повернуть похитрѣй — утро вечера мудренѣе. Посмотримъ!

═

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛАГЕРЬ ПОДЪ ИСКЕРОМЪ.

Ночь. Лѣсъ. Вдали видѣнъ на высотахъ городъ Сибирь или Искеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТОЛПА КАЗАКОВЪ, МИТЬКА, МЕЩЕРЯКЪ.

1-й КАЗАКЪ.

Чтò толковать, коли всѣ говорятъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Я вамъ давно говаривалъ, да вы слушать не хотѣли! То-то, нелегкая васъ побери — видно, пословица-то и не лжетъ, что Русакъ заднимъ умомъ крѣпокъ!

2-й КАЗАКЪ.

Говори, есаулъ!

3-й КАЗАКЪ.

Неладно вы затѣваете!

МИТЬКА.

Коли всѣ будутъ кашу варить, она никогда не сварится!

1-й КАЗАКЪ.

Врешь! — Убирайся! — Я, братъ, тебѣ не поддамся!

(*Смятенный шумъ.*)

МЕЩЕРЯКЪ.

Стой! стой! Во-первыхъ, вотъ, братцы, чего намъ недостаетъ! Здоровье ваше! (*Наливаетъ изъ фляги и пьетъ.*)

ВСѢ (*кромѣ Митьки*).

Давай! Давай! (*Наливаютъ, пьютъ, кричатъ.*)

МИТЬКА.

Эхъ! есаулъ! Неловко ты дѣлаешь, да и грѣшно! Вѣдь мы обѣщались до безумнаго-то веселья не касаться!

МЕЩЕРЯКЪ.

Пожалуй не касайся! А тебѣ развѣ не хочется?

МИТЬКА.

Какъ не хотѣться!

МЕЩЕРЯКЪ (*поднося ему пустую чарку*).

Ну, да ты только понюхай!

МИТЬКА.

Ухъ! Такъ-бы вотъ и выпилъ — слюнки текутъ! Не хочу, не хочу! Грѣхъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Пожалуй! Намъ больше останется! Ну, вотъ, братцы, какъ теперь на душѣ-то стало полегче, такъ оно и обдумать-то можно толковѣе!

ВСѢ.

Говори, говори, есаулъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Что̀ тутъ много говорить! Атаманъ нашъ завелъ насъ къ чорту на кулички, да и самъ не знаетъ, что̀ дѣлать!

ВСѢ.

Да, да!

МЕЩЕРЯКЪ.

Вотъ ужь мы третій мѣсяцъ подъ Искеромъ стоимъ — два раза выходили въ бой, и едва уплелись сюда; загородили себя засѣками, враги окружили насъ — ихъ сто на одного. Съ Руси нѣтъ вѣсти и Кольцо не ѣдетъ. Видно, милости Царской ждать нечего — надобно самимъ промышлять! Мы обнищали, оголодали, обносились....

1-й КАЗАКЪ.

Что̀-жь ты совѣтуешь?

МЕЩЕРЯКЪ.

Что̀ громада положитъ! Собрать войсковой кругъ и рѣшить. Моя мысль такая: атамана къ чорту — выдать его Кучуму, а за то̀ онъ намъ дастъ всего, чего душа желаетъ — и золота, и узорочья, и такихъ красавицъ, что у насъ на Руси и со свѣчкой не отыщешь! Чего-жъ вамъ еще? Аль Руси стало жаль? Воротись-ка туда, такъ поддернутъ тебя за пеньковое ожерелье, только ножками задрягаешь!

1-й КАЗАКЪ.

Правда! Правда!

ВСѢ.

Собрать кругъ! Какъ громада рѣшитъ!

3-й казакъ.

Право, братцы, не хорошо!

всѣ.

Кругъ! Кругъ! Ступай! ступай! (*Идутъ толпой.*)

мещерякъ.

Ну, Ермакъ, посмотримъ, ка́къ ты вотъ эту кашу расхлѣбаешь, а ужь я масла не пожалѣю! (*Идетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ермакъ (*выходитъ задумчивый*).

О, суета суетъ! Мірская слава, честь,
Побѣда — вы, какъ перелетный голубь!
Сегодня гордъ, а завтра прахъ, и люди
Ругаются тобой, и по грязи влачатъ
Твой истуканъ, который ихъ рукою,
Они поставили на алтаряхъ побѣды, чести.
Ермакъ! ты побѣжденъ — ты уступилъ!
Враги безчисленной толпою окружаютъ
Твой станъ, а въ немъ кипитъ измѣна,
Главу подъемлетъ бунтъ — опала, казнь
На родинѣ, а здѣсь — смерть, плѣнъ!
Господь!
Передъ тобой моя душа открыта —
Искалъ ли славы, чести я мірской?
Не вѣру ли твою хотѣлъ я проповѣдать?
Не Русскому ль Царю готовилъ честь?
И не хотѣлъ ли смыть грѣховъ прошедшихъ
На полѣ битвы кровью? Или демонъ,
Духъ тмы, поборникъ зла, всегда преобораетъ
Зломъ благо въ мірѣ семъ грѣховномъ?
Сомнѣнье! Трепещи, Ермакъ! Сомнѣнье грѣхъ!
Не сомнѣвайся — вѣрь! На Бога возложи печаль!
Онъ проведетъ тебя средь козней, бѣдъ!

Какъ солнце возсіяетъ правота твоя!
Какъ предъ Израилемъ въ пустынѣ, огненнымъ столпомъ
Предыдетъ Божій ангелъ, и какъ стѣны Іерихона,
Падутъ передъ тобой Сибири стѣны,
И съ миромъ ты отыдешь на покой,
Давно желанный,...

ЯВЛЕНІЕ III.

ЕРМАКЪ И ШАМАНЪ.

ШАМАНЪ.

Гордый Русскій вождь!
Я вновь пришелъ къ тебѣ! Смирился ты?
И не въ толпѣ соратниковъ твоихъ
Тебя я вижу — побѣжденъ, унылъ и одинокъ!

ЕРМАКЪ.

Не съ прежнимъ ли пришелъ ты предложеньемъ?
Не снова-ли дары и царство предлагать?

ШАМАНЪ.

Не предлагать — спасти тебя. Близка погибель.
Безуміе теперь не покориться! Знай — Кучумъ,
Разгнѣванный, тебя на смерть обрекъ,
Заутра бой, и голова твоя, въ позоръ гордыни,
На дротикъ вздѣтая, потѣшитъ насъ,
А трупъ твой псы размычутъ, разтерзаютъ!

ЕРМАКЪ.

Чего-жь ты хочешь?

ШАМАНЪ.

Есть еще спасенье!
Знай — я верховный жрецъ Бурхана.
Мой голосъ силенъ — тайною наукой

Передо мной грядущее открыто —
Ты хочешь-ли узнать его?

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ! Не хочу.
Оно во власти Бога — что́ Ему угодно — будь!

ШАМАНЪ.

Безумецъ! вѣдай — такъ судили боги:
На головѣ твоей лежитъ судьба Сибири.
Когда предашься ты Сибирскому царю,
Сибирь на вѣки укрѣпится силой,
И громко прогремитъ ея повсюду имя.
Ты долголѣтной старости достигнешь,
Въ почетѣ, въ славѣ проживешь свой вѣкъ.
Но если ты захочешь — суждено
Сибири пасть, но знай, — и ты падешь! Ты не увидишь,
Ни торжества, ни славы, и твоя могила
Безвѣстна будетъ — не придутъ потомки
Надъ нею поминать тебя, тебя забудутъ....

ЕРМАКЪ.

А Руси власть?

ШАМАНЪ.

Власть Руси надъ твоей могилой,
Какъ твердая гора возникнетъ — выбирай!

ЕРМАКЪ.

Не обольщаешь ты меня? Не лжешь?

ШАМАНЪ.

Клянусь!

ЕРМАКЪ.

Клянись мнѣ Богомъ христіанскимъ.... Нѣтъ!

Остановись! Ты знаешь-ли, кáкъ страшенъ, всемогущъ,
Всесиленъ христіанскій Богъ?

ШАМАНЪ (*со стономъ*).

О! знаю!
Онъ побѣдитъ — предъ нимъ падутъ Бурханы!
Но ты — клянусь твоимъ я Богомъ — можешь отвратить
Паденье нашей вѣры, царства, и во славѣ
Вѣкъ долгій жить, престолъ отдать потомству!

ЕРМАКЪ.

О, Всемогущій! Демонъ искуситель
Мнѣ вѣсть отрадную передаетъ Твоею волей!
Нѣтъ! онъ не лжетъ — и вѣсть его
Достигла сердца моего,
Надеждой душу мнѣ зажгла —
Душа воскресла, ожила!
Съ очей моихъ исчезла мгла!
Мой гробъ — залогъ твоихъ побѣдъ,
Святая Русь! Сомнѣнье? Нѣтъ!
Нѣтъ! Дай мнѣ руку, ты, шаманъ!

ШАМАНЪ.

Ты избираешь?

ЕРМАКЪ.

Я избрáлъ!

ШАМАНЪ.

Вѣнецъ и честь?

ЕРМАКЪ.

Смерть.

ШАМАНЪ.

О! Ермакъ,
Ермакъ! ты могъ спасти мою отчизну!

ЕРМАКЪ.

И все моей отчизнѣ въ жертву приношу!

ШАМАНЪ.

Но кто оцѣнитъ жертву? Кто узнаетъ?

ЕРМАКЪ.

Ее узнаетъ — *Онъ!* Ея оцѣнка — *здѣсь!*
Ты не поймешь — не христіанинъ ты, не Русскій —
Ты не поймешь меня! Когда-бъ въ груди твоей
Забилось сердце русское, и кровь твоя
Кипѣла, какъ кипитъ у Русскаго она,
И если-бы душа твоя постигла,
Какъ сладостно предаться волѣ Бога...

ШАМАНЪ.

Горе!
Кого не побѣдитъ такой народъ? Чего, чего
Не совершитъ онъ?...

(*Вынимаетъ кинжалъ и заноситъ его на Ермака, который стоитъ задумчиво*).

Такъ погибни-жь!... Нѣтъ!
Невольный страхъ окаменилъ мнѣ руку!

(*Роняетъ кинжалъ*).

ЕРМАКЪ (*хладнокровно обращается къ нему*).

Подыми твой ножъ!

ШАМАНЪ.

Ермакъ!... Прощай!

(*Бѣжитъ вонъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕРМАКЪ, АНДРЕЙ, МАРІЯ.

АНДРЕЙ.

Атаманъ! Бѣда намъ угрожаетъ — бунтъ!
Злодѣй твой, Мещерякъ, весь таборъ возмутилъ.
Они твою отвергли власть — бѣгутъ къ тебѣ!
Спасайся! Отъ тебя мы не отстанемъ!
Но ты молчишь? Твой бодрый духъ упалъ!

ЕРМАКЪ.

Спасаться! Но куда спасаться намъ?
Здѣсь братья наши возстаютъ — кругомъ враги,
А родина далеко, да и тамъ
Что ожидаетъ насъ? Гнѣвъ царскій, судъ и казнь!
Побѣда все мирила — пораженье губитъ все.
Народъ безсмысленъ, какъ дитя, непостояненъ,
Какъ вешняя погода!

АНДРЕЙ.

Мы умремъ съ тобой!

ЕРМАКЪ.

Друзья мои! Мнѣ грустно — вашу юность
Со мною вы погубите... Мнѣ грустно!
Мой вѣкъ, мой бурный вѣкъ — ему пора... Кончина
Мнѣ будетъ отдыхомъ!... А вамъ, вамъ рано...
Пусть будетъ то, что Богомъ суждено!
Примите-же мое благодаренье,
Андрей, Θеодоръ! неусыпной стражей
За мной вы были — вмѣстѣ и труды и брань!
Какъ часто я дивился, юноша, Θеодоръ,
Мой сынъ! Когда въ томленіяхъ похода, жажды, глада,
Ты все переносилъ — прими мое благословенье!

АНДРЕЙ.

Ермакъ! когда-бъ ты зналъ!

МАРІЯ.

Ермакъ! насъ Богъ спасетъ!

ЕРМАКЪ (*одушевляясь*).

Да! Онъ спасетъ!... Ужели въ ихъ душахъ
Погасло все, и искры не осталось?
Не можетъ быть! Она осталась,
И я ее раздую, въ пламень облеку —
Пожаромъ вспыхнетъ искра! Бунтъ, измѣна,
Всѣ страсти низкія сгорятъ въ пожарѣ,
И только доблесть русская останется!

(*Слышенъ шумъ и стукъ оружія*).

АНДРЕЙ И МАРІЯ.

Идутъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, МЕЩЕРЯКЪ, КУЗЬМА СЪ ХОРУГВЬЮ, КАЗАКИ.

ВСѢ.

Смерть, смерть, Ермаку!

МЕЩЕРЯКЪ.

Вотъ онъ! Спрятался! Труситъ!

ВСѢ.

Смерть, смерть ему!

АНДРЕЙ (*заслоняя Ермака мечомъ.*)

Я не допущу васъ къ атаману!

ЕРМАКЪ.

Оставь ихъ безуміе! (*Грозно казакамъ*). Стой! (*Всѣ отступаютъ*) Кто вы? Кто вы? (*Они безмолвствуютъ*). Я спрашиваю васъ — отвѣчайте! Что̀ вы замолчали? Говори, хоть ты, Мещерякъ!

1-й КАЗАКЪ.

Мы твоя дружина — вольные казаки.

ЕРМАКЪ.

Вы моя дружина? Нѣтъ! У меня была дружина вѣрная, добрая, благочестивая, не подлое скопище злодѣевъ, бунтовщиковъ: вы не Ермакова дружина! Съ нею покорилъ я Пелымь, Епанчинъ, Тюмень, перешелъ рѣки и горы, и теперь хотѣлъ покорить Искеръ — вы не моя дружина!

МЕЩЕРЯКЪ (*тихо*).

Что̀ вы слушаете его краснобайство? Принимайся!

ЕРМАКЪ.

Ты взялся за худое ремесло, Мещерякъ, и добромъ не кончишь. Я прощалъ тебя, ждалъ твоего раскаянія, но ты сдѣлался сосудомъ діавола.... Хорошо! Вы хотите моей смерти? За чѣмъ-же стало? Вотъ грудь моя! Не боитесь-ли вы, что у меня остается еще мечъ? Я брошу его! (*Бросаетъ мечъ свой*) Θедоръ Клуша! ты никогда не даешь промаха — нацѣль свою винтовку — стрѣляй! (*Тотъ отворачивается*) А! Такъ ты поди сюда, Миша Кулишкинъ — помнишь, ка̀къ я вытащилъ тебя изъ Волги — стрѣляй! (*Тотъ отворачивается. Ермакъ видитъ Кузьму, держащаго хоругвь*).

Что̀ вижу? Ка̀къ ты смѣлъ предстать сюда съ хоругвью,
Съ священнымъ знаменемъ дружины
Великаго Царя и Государя, бунтовщикъ?
На мѣсто бунта ты дерзнулъ ее принесть?
Прочь! Не оскверняй ее нечистыми руками,
Крамольникъ старый! (*Онъ вырываетъ хоругвь у Кузьмы*).

О святое знамя!
Я изорву тебя, сожгу — не доставайся никому!

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ КАЗАКОВЪ.

Ермакъ! помилуй!

ЕРМАКЪ.

На колѣни! На колѣни!

(*Многіе становятся на колѣни*).

1-Й КАЗАКЪ.

Я не стану на колѣни! Нѣтъ!

ЕРМАКЪ.

Такъ я тебя поставлю!

(*Онъ бьетъ его, такъ, что тотъ падаетъ*)

Отнимите у него ружье и мечь — связать его!
Чего хотите вы? Какъ? Вы дерзнули
На атамана возставать? Прочь отъ хоругви!
Я васъ анаѳемѣ предамъ соборной!

ВСѢ КАЗАКИ.

Помилуй, Ермакъ, помилуй!

ЕРМАКЪ.

Я васъ прощу — отберите зачинщиковъ, покайтесь, заслужите прощеніе новыми подвигами!

КУЗЬМА.

Атаманъ! прости! Но что-жь намъ дѣлать?
Мы обносились, обнищали, босы, наги,

Кругомъ окружены врагами.

ЕРМАКЪ.

За прегрѣшенья наши испытанье
Господь намъ посылаетъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Полно, наши-ль прегрѣшенья!
Не ты-ли первый грѣшникъ!

ЕРМАКЪ.

Кто посмѣетъ
Себя назвать безгрѣшнымъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Не юли,
А признавайся! Чтó, ребята, толковать?
Не онъ-ли говорилъ, что женщинъ въ нашемъ станѣ
Не будетъ? Ну, а самъ себѣ красотку подцѣпилъ,
И съ ней не разстается!

ЕРМАКЪ.

Мещерякъ!
Ты клеветникъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Ты лицемѣръ! Да, чтó — улика на лицо —
Она подлѣ тебя!

ЕРМАКЪ.

Кàкъ?

МЕЩЕРЯКЪ (*схватывая за руку Марію*).

Ну, а это кто!

АНДРЕЙ.

О Боже!

ЕРМАКЪ.

Клеветникъ презрѣнный! Мой оруженосецъ,
Өеодоръ вѣрный, братъ Андрея, чистотою ангелъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Не ангелъ — развѣ дьяволенокъ!

ЕРМАКЪ.

Уличи его,
Өеодоръ! Разскажи ему, кто ты!

МАРІЯ (*падая на колѣни*).

Ермакъ!
Прощенье!

ЕРМАКЪ.

Ка̀къ, несчастный?

МАРІЯ.

Не Өеодоръ —
Я — женщина!

ЕРМАКЪ.

За чѣмъ-же ты въ нашъ станъ
Осмѣлилась....

АНДРЕЙ (*на колѣняхъ*).

Она моя жена!

ВСѢ.

Его жена!

ЕРМАКЪ *(сурово).*

Вы знаете обѣтъ нашъ?

АНДРЕЙ.

Знаемъ!

ЕРМАКЪ.

Приготовьтесь къ смерти!

МАРІЯ.

Смерть обоимъ?

ЕРМАКЪ.

Да.

МАРІЯ.

О милый другъ!
За чтó тебя я погубила!

АНДРЕЙ.

Атаманъ!
Уже-ли всѣ труды, походы, раны — жизнь моя доселѣ,
Ничто тебя не умолитъ?

ЕРМАКЪ.

Андрей!
Не я — законъ тебя казнитъ, и — я невластенъ.

АНДРЕЙ.

Жестокосердый! Слова одного къ спасенью
Не хочешь ты сказать — не скажешь?

ЕРМАКЪ.

Не скажу,

Когда-бъ ты зналъ, какъ тяжко мнѣ отдать
Тебя... О сынъ мой!

АНДРЕЙ.

Нѣтъ! меня отдай имъ, но спаси,
Спаси ее!

МАРІЯ.

Нѣтъ! я его сгубила —
Меня казнить — ему пощада!

АНДРЕЙ.

Братья!
Ужели милости у васъ не будетъ? Развѣ
Никто изъ васъ супругомъ, сыномъ, братомъ не былъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Э! дружище! Что́ тутъ много толковать!
Пожилъ съ женкой молодой — довольно!
Вѣдь всѣ мы думали, что атаманъ проказитъ.
Ну, виноваты, атаманъ — тутъ грѣхъ чужой!

АНДРЕЙ.

Чудовище! не оскорбляй насмѣшкой горя,
Скорби тяжкой... Нѣтъ! я не отдамъ ее!
Пусть попытаютъ вырвать изъ моихъ объятій
Тебя — умру, а не отдамъ!

КУЗЬМА.

Друзья!
Не пожалѣть-ли юность ихъ?

МЕЩЕРЯКЪ.

Спасибо!
Вотъ правосудіе — кто молодъ, да пригожъ,
Такъ и щадить? Что́-жъ, братцы, казаки,

Что вы разрюмились? Нѣтъ! я не уступлю —
Ну, говорите, что́? Смерть?

ВСѢ.

Смерть!

МЕЩЕРЯКЪ.

Ну, атаманъ,
Рѣшай! Аль жалко стало?

ЕРМАКЪ.

Мещерякъ! не бойся.
Я жертвы отнимать не буду, но оставьте насъ...

МЕЩЕРЯКЪ.

Какъ? Что́? Зачѣмъ?

ЕРМАКЪ (*грозно*).

Оставьте насъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Аль ты проститься съ ними хочешь? Проводины
Дальныя — слезъ больше! Ну, пойдемъ, ребята!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЕРМАКЪ, АНДРЕЙ, МАРІЯ.

ЕРМАКЪ.

Сюда, дѣти мои, на грудь мою! Давно я не плакивалъ, а теперь мнѣ хотѣлось-бы выплакать глаза!

АНДРЕЙ.

Атаманъ! ты защитишь насъ?

МАРІЯ.

Ты спасешь его?

ЕРМАКЪ.

Не разрывайте души моей вашими просьбами — не ищите жалости въ душахъ людей, окружающихъ васъ — не дожидайтесь слезъ изъ глазъ ихъ — не доискивайтесь сердецъ въ ихъ груди — сердца ихъ давно окаменѣли, слезы ихъ давно высохли!

АНДРЕЙ.

Но ты властенъ...

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ! я невластенъ — обѣтъ ненарушимъ! Отдаю васъ на казнь, и — полсердца вырываю изъ груди моей... Не тяжеле было-бы мнѣ отдать палачамъ роднаго сына... Да, я и считалъ васъ дѣтьми, любилъ, какъ дѣтей... Зачѣмъ пріучили вы меня къ чувству отцовскому? Зачѣмъ вы услаждали жизнь мою радостями? И ты, бѣдная — зачѣмъ лицо твое, голосъ твой напоминали мнѣ... (*Съ ужасомъ*) О Боже! Какой страшный свѣтъ озарилъ меня, и жжетъ, палитъ меня? Господи! не допусти... Нѣтъ, нѣтъ! Вѣдь мертвецы не встаютъ изъ гробовъ? Они тамъ забываютъ страсти земныя! Они прощаютъ насъ...

АНДРЕЙ.

Марія!

ЕРМАКЪ (*съ трепетомъ отводитъ его въ-сторону*).

Развѣ ее — жену твою — зовутъ Маріею?

АНДРЕЙ.

Да.

ЕРМАКЪ.

А мать ея звали.... Да, вѣдь она не знаетъ, какъ звали мать ея! Она сама мнѣ говорила, что она не знаетъ!

МАРІЯ.

Ахъ! я не хотѣла сказать тебѣ... Бѣдная мать моя — ее также звали Маріею, Марьей Борисовной!

ЕРМАКЪ.

Ты лжешь, несчастная!

МАРІЯ.

Я не лгу. Она была красавица, говорили мнѣ.

ЕРМАКЪ.

Красавица?

МАРІЯ.

Она была дочь какого-то боярина. Но какъ запомню, она ужъ не была красавицей, она все плакала, и я съ ней плакала; и у насъ не было боярскихъ платьевъ, иногда и хлѣба у насъ не было....

ЕРМАКЪ.

А отецъ твой, отецъ твой? Онъ къ вамъ никогда не приходилъ?

МАРІЯ.

Нѣтъ! онъ не приходилъ — я никогда не видала и не знала его....

ЕРМАКЪ.

И мать твоя заставляла тебя проклинать его?

МАРІЯ.

Нѣтъ! Она всегда заставляла меня молиться за отца моего, поминать его въ молитвѣ моей утромъ и вечеромъ. И вотъ

когда она умирала, она надѣла мнѣ на шею этотъ крестикъ, и говорила, чтобы я берегла его, что онъ подарокъ отца моего, что если Богъ приведетъ мнѣ его увидѣть, онъ узнаетъ меня по этому крестику....

ЕРМАКЪ.

Крестикъ?... И ты хотѣла-бы видѣть твоего отца?

МАРІЯ.

Все на свѣтѣ отдала-бы я за свиданіе съ нимъ, за его благословеніе!

ЕРМАКЪ.

А если онъ злодѣй, если онъ погубилъ мать твою, если проклятіе и убійство лежитъ на головѣ его?

МАРІЯ.

Онъ отецъ мой! Ахъ! Ермакъ! Не зналъ-ли ты его, не зналъ-ли ты отца моего?

ЕРМАКЪ.

Зналъ-ли я его?... Нѣтъ! я не зналъ его!... Марія! я слышалъ — онъ былъ очень-несчастливъ — пожалѣй объ немъ.... И всегда, когда промыслъ Божій готовилъ ему радостную минуту жизни, демоны успѣвали омрачать ее, всегда, когда онъ готовъ былъ раскаяться въ грѣхахъ своихъ, они плясали вокругъ него, и съ адскимъ хохотомъ кричали ему: «Ты нашъ! Ты нашъ! Прошедшее невозвратимо! Ха, ха, ха, ха! Невозвратимо! Не оживутъ мертвецы, а только память былаго не проходитъ, совѣсть не умретъ — только грѣхъ, какъ гробовой червь будетъ точить неусыпно, точить, пока проточитъ грѣшнику насквозь сердце, и выпьетъ изъ него послѣднюю капли крови!...

(*Слышенъ шумъ казаковъ.*)

Сюда, сюда, братья, други, палачи!

АНДРЕЙ И МАРІЯ.

Ермакъ! (*Они бросаются къ нему.*)

ЕРМАКЪ.

Сюда, скорѣе сюда! Оторвите ихъ отъ меня, ведите ихъ на казнь! Прочь ихъ! Прочь ихъ! Разтерзать ихъ! Гуляй, душа, гуляй раздольно, весело! Мещерякъ! Братъ, другъ! Точи ножъ — рѣжь, рѣжь ихъ — сперва Марію, а потомъ Андрея.... Не смотри, что изъ очей моихъ каплетъ кровь — ничего! Слезъ у меня нѣтъ, а кровь собралась здѣсь, и прихлынула къ головѣ, и вотъ она каплетъ вмѣсто слезъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же, МЕЩЕРЯКЪ, КАЗАКИ.

МЕЩЕРЯКЪ.

Атаманъ! рѣшилъ-ли ты?

ЕРМАКЪ.

Рѣшилъ! Вы правы, друзья мои! Они злодѣи, преступники! Они нарушили обѣтъ нашъ, клятву нашу — они посрамили, обезчестили нашу дружину, сонмище людей праведныхъ, чистыхъ душею, не клятвопреступниковъ, не убійцъ, не пьяницъ! Да, они причиной, что побѣда забыла насъ! Возьмите ихъ, ведите ихъ, закуйте ихъ въ цѣпи, стерегите, чтобы они не убѣжали! (*Андрея и Марію уводятъ*). Завтра мы придумаемъ имъ казнь — ты придумаешь ее, Мещерякъ! У меня мозгъ высохъ — я ничего не выдумаю!

МЕЩЕРЯКЪ.

Атаманъ! ты пугаешь меня!

ЕРМАКЪ.

Пугаю тебя? Ха, ха, ха! А я такъ тебя не пугаюсь — видишь, какъ брата обнимаю тебя.... Нѣтъ, нѣтъ! я тебя не обнимаю, а только поведу съ собой.... Не бойся! Мы не въ адъ пойдемъ — еще рано Туда позовутъ насъ, а теперь вмѣстѣ пойдемъ мы въ бой.... Ночь темна, какъ твоя совѣсть — враги не ждутъ насъ — ударимъ дружно и разсѣемъ полчища ихъ! И когда воротимся съ побѣдой, на радостяхъ побѣды зарѣжемъ Андрея и жену его! Развѣ тебѣ впервые? А помнишь — въ Сарайчикѣ, когда ты схватилъ за ноги ребенка и ударилъ его головой объ стѣну, а мать его крикнула, умерла, пришла къ тебѣ ночью, и требовала у тебя сына, и по три ночи вопила у твоего изголовья....

МЕЩЕРЯКЪ (*трепеща*).

Ермакъ!

ЕРМАКЪ.

Ничего! У всякаго есть своя змѣя, а могила всѣхъ уравниваетъ — только за могилой-то плохо намъ будетъ.... Да, что̀ намъ! Бей сборъ! Труби походъ! На битву, на послѣднюю битву! Бунтъ вашъ прощенъ, но на битву, и горе тому, кто не побѣдитъ, и переживетъ эту битву!

ВСѢ КАЗАКИ.

Ура! На битву!

КУЗЬМА.

Атаманъ! А мнѣ отдашь-ли ты знамя, которое несъ я отъ Волги до Искера? Виноватъ — согрѣшилъ!

ЕРМАКЪ.

Богъ тебя проститъ! Кто не грѣшилъ — вотъ и Мещерякъ, и онъ грѣшилъ, и я.... На мнѣ страшные грѣхи, и наказаніе за

нихъ страшное.... А знамя я тебѣ отдамъ, но умрешь-ли ты съ нимъ? Бой будетъ ужасенъ, а ты будешь впереди всѣхъ!

КУЗЬМА.

Живой не выйду — вотъ тебѣ клятва моя!

(*Онъ схватываетъ хоругвь.*)

ЕРМАКЪ (*въ-сторону*).

А я ужели живъ останусь? Нѣтъ! Господь милосердъ! Онъ не допуститъ меня дожить до того часа, когда.... когда.... О, волосы дыбомъ и кровь мерзнетъ въ жилахъ!... Въ бой! въ бой!

(*Спѣшитъ вонъ, и за нимъ всѣ толпой.*)

=

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

═

СИБИРЬ, ЗОЛОТОЕ ДНО.

═

Тюрьма, освѣщаемая ночникомъ. Андрей, скованный, лежитъ на скамьѣ. Слышны выстрѣлы и отдаленные звуки трубъ и бубновъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АНДРЕЙ (*одинъ*).

О, Господи! за что́ ты казнь наслалъ!
Я могъ-ли отказать ей — въ сиротствѣ ее покинуть?
А не идти — не дать обѣта... Больно, горько,
Тяжко бьется ретивое!... Гдѣ-же ты,

Моя голубка? Стая коршуновъ нечистыхъ
Не растерзала-ли тебя?... И я защитить
Тебя не могъ! И атаманъ — Охъ! Богъ ему судья!
А какъ онъ страшенъ былъ.... Тамъ бой идетъ,
И на него мечи устремлены,
А я.... Андрею горемыкѣ, видно, Богъ судилъ
Невзгоду за невзгодой!...

ЯВЛЕНІЕ II.

МИТЬКА И АНДРЕЙ.

МИТЬКА (*у окна*).

Эй! Андрюша! Тутъ ты, что-ли?

АНДРЕЙ.

Кто тамъ?

МИТЬКА.

Аль не узналъ ты Митьки кашевара?

АНДРЕЙ.

Митя!

МИТЬКА.

Погоди!

(*Онъ отпираетъ дверь и входитъ*).

АНДРЕЙ.

Ахъ! Митя!

МИТЬКА.

То-то Митя!
Всѣ Митьку кашевара дуракомъ зовутъ,

А умному народу онъ-же помогаетъ!
Что́ сталъ? Сбивай скорѣе зарукавья!

(*Снимаетъ цѣпи*).

Щей сварить такъ не сумѣютъ, а вотъ кашу
Заварить ... Ну, обними меня, хоть за спасибо!

АНДРЕЙ.

Самъ Богъ тебя благословитъ! Но гдѣ она?

МИТЬКА.

Кто?

АНДРЕЙ.

Маша!

МИТЬКА.

Вотъ о чемъ забота! Невидаль какая!
Ну, здорова!

АНДРЕЙ.

Гдѣ она?

МИТЬКА.

Опять таки! Ну, здѣсь!
Поцѣловаться что́-ли хочешь?

АНДРЕЙ.

Видѣть,
Взглянуть!

МИТЬКА.

Такъ позови ее — вотъ здѣсь она!

АНДРЕЙ (*бросается въ двери*).

Маша, Маша!

МИТЬКА (*садится въ сторонѣ и напѣваетъ:* Ивушка, ивушка).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и МАРІЯ.

МАРІЯ.

Ахъ! Андрей!

АНДРЕЙ.

Душа моя!
Теперь-то только я узналъ, съ тобой въ разлукѣ,
Любовь мою къ тебѣ! Но кàкъ ты здѣсь?

МАРІЯ.

Онъ, Митя, вывелъ изъ тюрьмы меня.

АНДРЕЙ.

О, благодѣтель! Богъ тебя возпаградитъ!

МИТЬКА.

Да, пе за чтó!

МАРІЯ.

Но, чтó намъ дѣлать?

АНДРЕЙ.

Убѣжимъ!

МИТЬКА.

Ну, братъ! ужъ этого нельзя!

АНДРЕЙ.

Ахъ, Митя! Смерть страшна,
Позорная, мучительная смерть — и съ нею!

МИТЬКА.

А чортъ велѣлъ кутить?

МАРІЯ.

Ты пощадишь насъ!

МИТЬКА.

Что́ тутъ за пощада! Видишь, какъ раздумалъ я:
Теперь тамъ свалка — атаманъ, всѣ казаки.
Ну, слышишь-ли, какъ жарятъ? А а Сибиряки
Дерутся на смерть — самъ слѣпой Кучумъ
На битву вышелъ. Вотъ я и раздумалъ:
Андрей-то молодецъ, и пара лишнихъ рукъ
Куда нелишнія! Чѣмъ тутъ ему сидѣть,
Пущу-ка я его? Ключи со мной — изъ кашеваровъ
Меня въ тюремщики произвели....

АНДРЕЙ.

Ахъ! Митя!
Самъ Богъ тебя наставилъ! Дай мнѣ саблю,
Пищаль!

МИТЬКА.

Постой, постой — дай мнѣ мнѣ додумать:
Коли его убьютъ — ну, со святыми упокой!
Вѣдь все равно казнятъ-же завтра?
А можетъ, онъ, чортъ знаетъ, что́ успѣетъ
Надѣлать! самого Кучума за хохолъ притащитъ!

АНДРЕЙ.

Пищаль!

МИТЬКА.

Такъ ладно?

АНДРЕЙ.

Саблю, саблю!

МИТЬКА.

Мигомъ будутъ!
(*Убѣгаетъ.*)

МАРІЯ.

Андрей! ты въ битву поспѣшаешь — а меня,
Меня покинешь ты? Безжалостный! меня....

АНДРЕЙ.

Не умоляй!
Я кровью заслужу вину мою!
Здѣсь я преступникъ — тамъ я витязь буду!

МАРІЯ.

Кровава битва — тамъ убьютъ тебя!

АНДРЕЙ.

Тогда — здѣсь помяни, и радуйся — за гробомъ
Увидимся и не разстанемся....

МИТЬКА (*прибѣгаетъ*).

Ну, вотъ пищаль и сабля,
Шапка, дротикъ!

АНДРЕЙ.

О мои друзья! Пищаль моя

Завѣтная, и ты, товарищъ, сабля!

(*Онъ вооружается.*)

МАРІЯ.

Андрей! и я съ тобой!

МИТЬКА.

Ну, бабье-ль дѣло
Воевать? А намъ работы развѣ здѣсь —
Не будетъ? Мы молиться станемъ!

АНДРЕЙ.

О, молись,
Молись, моя Марія! Бог тебя услышитъ!

(*Онъ бѣжитъ.*)

МАРІЯ.

Андрей! Андрей!

(*Спѣшитъ за нимъ.*)

МИТЬКА.

А, право, ладно я придумалъ!
Ну, а все толкуютъ: Митька кашеваръ дуракъ!
Дуракъ! Вотъ — велика бѣда! Нѣтъ! Не дуракъ,
А дурень, о которомъ пѣсенка поется:
Жилъ, былъ дурень,
Жилъ, былъ блаженъ,
Пошелъ дурень,
Пошелъ блаженъ....

(*Уходитъ.*)

—

На горѣ видѣнъ Искеръ. Въ сторонѣ большой камень. Рѣдкій лѣсъ. Слышны пальба, ружейные выстрѣлы, трубы и бубны, что постепенно умолкаетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕРМАКЪ, И НѢСКОЛЬКО КАЗАКОВЪ.

ЕРМАКЪ (*едва идетъ, утомленный, опираясь на ружье*).

Довольно! Сборъ трубите!

(*Трубы.*)

Совершилось!
Хвала тебѣ, хвала, Создатель! Допустилъ ты,
Моими грѣшными руками довершить побѣду!
Моими грѣшными очами созерцать
Великое паденіе Сибири!
Боже! Силы
Изнемогли.... Воды, воды мнѣ дайте!

(*Садится на камень и снимаетъ шлемъ.*)

Здѣсь палитъ меня — здѣсь тяжко ноетъ,
И голова моя горитъ!

(*Приносятъ воду въ шлемѣ. Онъ пьетъ.*)

Благодарю,
Благодарю, товарищъ!

(*Отвсюду сходятся воины. Ведутъ плѣнныхъ*)

1-й КАЗАКЪ.

Атаманъ! Искеръ сдается!

ЕРМАКЪ.

Сдастся?

1-й казакъ.

Изъ Искера идутъ послы — несутъ
Вѣнецъ Кучума и ключи.

(Ермакъ безмолвно поднимаетъ руки къ небу.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ЕРМАКЪ, КАЗАКИ, МУРЗА АЛЕЙ И СВИТА ЕГО

АЛЕЙ.

Вождь русскихъ силъ, могучій богатырь!
Ты побѣдилъ — прими покорность нашу.
Сибирь тебѣ прислала бить челомъ.
Нашъ Царь Кучумъ бѣжалъ — Пощада!
И вотъ ключи Искера — вотъ.... О горько
Изречь — и вотъ вѣнецъ сибирскаго царя!
Помилуй!

(Онъ становится на колѣни, и на двухъ блюдахъ подноситъ ключи и вѣнецъ.)

ЕРМАКЪ.

Я смиренное орудье Божьей воли:
Мнѣ-ль почести? Встань, старецъ, встань —
Встань — подданный Россійскаго Царя!
Ключи Искера! О, когда-бъ могли вы отворить
Мнѣ двери милосердія Господня! .. А! Вѣнецъ!
И третье царство покорилось!
Казань Сибирь и Астрахань, какъ три алмаза,
Горятъ въ коронѣ Русскаго Царя!
Вѣнецъ Сибири! Ты, предъ коимъ трепетали
Народы сильные! Что ты, судьбы игрушка?
Кучумъ бѣжитъ изгнанникомъ изъ царства,
А ты, предметъ гордыни, зависти боязни?
Тотъ, Кто даетъ, Кто отнимаетъ власть,

Изрекъ, и ты упалъ во прахъ! Какъ бѣдны,
Величіе и гордость человѣка!
Здѣсь поставить
Вѣнецъ царя сибири! Осѣнитъ его хоругвью!
Но, гдѣ хоругвь? Гдѣ знамя наше? Гдѣ Кузьма?

2-й казакъ.

Онъ слово далъ тебѣ живымъ не выйти,
И онъ сдержалъ его — онъ палъ въ бою.

ЕРМАКЪ.

Кузьма! спасибо! Миръ, покой твоимъ костямъ!
Блаженъ, кто палъ за родину на брани!
Но знамя наше! — неужли враги
Его схватили? Или тамъ, на полѣ битвы,
Оно повержено, святое знамя наше?
Искать его! Бѣгите!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, МЕЩЕРЯКЪ и МИТЬКА.

МЕЩЕРЯКЪ (*тащитъ Митьку.*)

Атаманъ!
Суди, казни злодѣя!

МИТЬКА.

Атаманъ! помилуй!

МЕЩЕРЯКЪ.

Онъ выпустилъ преступниковъ, злодѣй!

МИТЬКА.

Помилуй!

МЕЩЕРЯКЪ.

Нѣтъ тебѣ пощады! Убѣжали
Андрей съ женой своей!

ЕРМАКЪ (*радостно*).

Они бѣжали!

МЕЩЕРЯКЪ.

Имъ не уйти, а между тѣмъ повѣсимъ Митьку!

ЕРМАКЪ.

Мещерякъ! тебя я въ битвѣ не видалъ!

МЕЩЕРЯКЪ.

Какъ — не видалъ? Да, я вездѣ былъ первый,
Я билъ, рубилъ, кололъ!

ЕРМАКЪ.

Какъ воронъ плотоядный,
Ты радость намъ побѣды хочешь отравить
Зловѣщимъ карканьемъ... Не бойся! Приговоръ
Исполненъ будетъ! Правосудья, мести
Не миновать преступнику — повѣрь!

МЕЩЕРЯКЪ (*смущаясь*).

Не миновать! Да, слышишь
Бѣжалъ преступникъ?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и андрей.

АНДРЕЙ (*въ одной рукѣ держитъ онъ хоругвь; другая рука подвязана.*)

Атаманъ! Ура!

У ногъ твоихъ святое знамя ставлю —
Я кровью выкупилъ его въ толпѣ враговъ!

ЕРМАКЪ (*схватывая хоругвь.*)

О наша свѣтлая хоругвь! О знамя чести!
Съ тобой возвращено благословенье намъ!
Чтó Мещерякъ? Преступникъ самъ на казнь явился!

АНДРЕЙ (*падая.*)

Дозволь мнѣ умереть у ногъ твоихъ, Ермакъ,
И помяни — и не оставь Маріи, не оставь....

ЕРМАКЪ.

Мой сынъ!
Скорѣе рану осмотрите!

(*Казаки садятъ Андрея на камень и окружаютъ его.*)

АНДРЕЙ.

А Марія?
Марія гдѣ? Скажите, ради Бога!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и 2-й казакъ.

2-й КАЗАКЪ.

Тамъ, по Московской по дорогѣ, атаманъ,
Къ намъ ѣдутъ гости!

ЕРМАКЪ.

Гости?

2-й КАЗАКЪ.

Царскіе бояре!

ЕРМАКЪ.

Бояре! Страшно! Радостно! Стѣснило грудь!...
Казнь? Милость? О! Ермакъ не трепеталъ,
Когда на грудь его мечи враговъ и стрѣлы
Стремились, сыпались, какъ дождь — трепещетъ онъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Кольцо.

ГОЛОСЪ КОЛЬЦА.

Гдѣ царскій воевода?

ЕРМАКЪ (*трепеща*).

Царскій воевода!
Кто царскій воевода?

ГОЛОСЪ КОЛЬЦА.

Князь Сибирскій,
Князь Ермакъ!

ЕРМАКЪ.

О, другъ, Кольцо! Онъ обезумѣлъ!
Что́ говоритъ онъ?

КОЛЬЦО (*вбѣгая*).

Милость! Милость! Милость!

ЕРМАКЪ.

Царь-Государь простилъ меня? О, ради Бога!
Припомни — въ каждомъ словѣ смерть и жизнь!

КОЛЬЦО.

Я видѣлъ батюшку-Царя, былъ за его трапезой,

Молился съ нимъ среди ликующей Москвы,
Когда въ Успенскомъ храмѣ возглашали
Многа, многа лѣта Ермаку!

ЕРМАКЪ.

Въ Успенскомъ храмѣ?
Многа лѣта?

КОЛЬЦО.

Царь пожаловалъ тебя
Сибирскимъ княземъ, царскимъ воеводой! Слышишь?
Тебѣ несутъ дары Царя — идутъ бояре!

(*Громкій маршъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, князь болховской, тоболинъ. *Свита ихъ несетъ золотую кольчугу, золотой шлемъ, золотой кубокъ, и соболью Царскую шубу.*

КНЯЗЬ БОЛХОВСКОЙ.

Царскій воевода, князь Сибирскій, Ермакъ Тимоѳеичъ! Царь и Великій Князь всея Руссіи, и царства Казанскаго, царства Астраханскаго, царства Сибирскаго Государь и Обладатель, за твою радѣтельную службу, что покорилъ ты подъ его высокую руку царство Сибиркое, во вѣки вѣковъ, доколѣ Всевышній благоволитъ стояти міру, велѣлъ намъ благодарить тебя. И жалуетъ онъ тебя своимъ царскимъ воеводою и княземъ Сибирскимъ. И посылаетъ онъ тебѣ золотую броню, съ своего стола золотой кубокъ, съ своего плеча шубу соболиную! Изъ кубка пей во здравіе, а шубу носи на здоровье!

ЕРМАКЪ.

Кольцо! Вѣдь это не сонъ, не мечта?

КНЯЗЬ БОЛХОВСКОЙ.

Облеките Ермака Тимоѳеича царскимъ жалованьемъ!

(*На Ермака надѣваютъ шлемъ и шубу*).

Здоровъ буди царскимъ жалованьемъ! Многая лѣта Ермаку Тимоѳеичу!

ВСѢ.

Многая лѣта Ермаку Тимоѳеичу!

(*Всѣ толпятся къ нему, плачутъ, цѣлуютъ его руки.*)

ЕРМАКЪ.

Царь-Государь! благослови тебя Господь!
Нѣтъ! не въ диковинку Царю Россіи царства,
Но милостью своею удивить.... И что-жъ за диво,
Что Русскій Царь великъ и милосердъ?
Когда величіе и милость розны были?
Когда отъ трона царскаго и жизнь, и свѣтъ,
Какъ отъ небеснаго свѣтила не сіяли?

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и МАРІЯ.

МАРІЯ (*бѣжитъ и падаетъ у ногъ Ермака*).

Ермакъ, Ермакъ! прости Андрея, моего супруга!
Отдай мнѣ моего Андрея — жизнь мою отдай!

КНЯЗЬ БОЛХОВСКОЙ.

Жена безумная!

ЕРМАКЪ.

Нѣтъ! не безумная она!

Внимайте, братья и судите.
Много лѣтъ
Тому прошло — разбойникъ, атаманъ злодѣевъ,
Похитилъ онъ боярыню, увезъ и бросилъ,
И бѣдная въ слезахъ увяла, дочь
Она оставила, но дочь пропала. Тяжко
Каялся разбойникъ — часто ночи не спалъ;
Кровавыми слезами плакалъ онъ;
Дочь милую искалъ, не находилъ,
И наконецъ нашелъ, когда
Господь его взыскалъ, благословилъ,
И Богъ и Государь его простили,
И милостью высокой вознесли.
Но дочь его была на казнь обречена —
Все преступленье бѣдной было, что она любила,
И не разсталась съ удальцомъ, который кровью
Царю и Богу крѣпко послужилъ.

Разбойникъ — я, а дочь — вотъ, вотъ она!
Ни передъ кѣмъ, окромѣ Бога и Царя,
Доселѣ Ермака колѣна не сгибались —
Я преклоняюсь передъ вами, други, братья!

(*Онъ падаетъ на колѣни*).

Простите дочь мою и зятя! Возвратите
Сына мнѣ и дочь — и не Ермакъ, не князь и воевода —
Отецъ васъ проситъ!

ВСѢ.

Князь Ермакъ! прощаемъ!
Живи — будь здравъ!

ЕРМАКЪ (*поднимаясь*).

Андрей! Марія!
Сынъ, дочь!

АНДРЕЙ И МАРІ .

Отецъ! Отецъ!

ЕРМАКЪ.

Какъ сердце полно,
И радость хлещетъ черезъ край его, какъ волны!

МЕЩЕРЯКЪ.

Ну, князь сибирскій! Поздравляю, а со мной разсчетъ
Еще не конченъ — кончимъ разомъ!

(Онъ бросается на Ермака съ кинжаломъ. Ермака заслоняютъ многіе).

КНЯЗЬ БОЛХОВСКОЙ.

Стой! Держи!

МЕЩЕРЯКЪ.

Не удалось? Такъ здѣсь удастся — къ чорту
Баранъ! Чѣмъ долго ждать — одинъ конецъ!

(Закалывается).

ЕРМАКЪ.

Несчастный! Не постигъ онъ тайны
Раскаянья святаго, мира и съ людьми и съ Богомъ!
О, слава въ вышнихъ Богу! Возликуемъ, братья!
Подайте царскій кубокъ — здравіе Царя!
Дай Богъ ему здоровья, отжени печали,
И долги лѣта даруй на земли!

КНЯЗЬ БОЛХОВСКОЙ.

Спѣши въ Москву.
Тамъ ждутъ тебя почетъ, привѣтъ, и мѣсто
Въ боярской думѣ, объ руку Царя!

ЕРМАКЪ. *(задумчиво).*

Нѣтъ! Нѣтъ! Не возвращаться мнѣ на Русь святую,
Мнѣ не видать Москвы золотоглавой,
Не услаждаться сердцу царской рѣчью,
И взоромъ свѣтлымъ батюшки-Царя....

Сибирь! ты примешь кости Ермака!
Въ твоихъ волнахъ, Иртышь велиководный,
Могила влажная готова мнѣ!
Будь воля Божья! Подвигъ совершенъ!
Орелъ Россіи! ты вознесся надъ Сибирью,
Кучума царство — волость Русскаго Царя...
И кто попралъ царя сибирскаго гордыню?
Кто Русь святую царствомъ подарилъ?
Казакъ опальный!... Не гордись, Ермакъ:
Бога во́ля вела тебя, и — горы пали,
Лѣса дремучіе раздвинулись, и во́лны рѣкъ,
Какъ предъ Израилемъ морей пучина,
Передъ тобою высохли — и мразъ, и гладъ,
И полчища враговъ — все покорилось...
О, радуйся, душа моя, весельемъ многимъ!
Но что́ со мной? Исчезло время —
Грядущаго судьба ясна моимъ очамъ!
Черезъ Сибирь, на дальныя моря
Идетъ нашъ русскій человѣкъ, и тамъ находитъ
Міръ новый — пѣнитъ море кораблями.
Индіи богатой горъ алмазныхъ
Орла крыло коснулось — на ледяныхъ грудахъ океана
Покоится другое. Волны злата
Текутъ изъ нѣдръ и изъ песковъ Сибири.
Башкирецъ, Персъ, Монголъ, Индіецъ и Китаецъ
Намъ дань несутъ... О, какъ свѣтла, ярка,
Русь-матушка! твоя грядущая судьба:
Какъ русскій умъ она свѣтла — горитъ она,
Какъ предъ иконою свѣча, безсмертнымъ свѣтомъ!
А тамъ, на берегахъ Тобола,
Въ гранитѣ мой изсѣченъ образъ,
И онъ стоитъ огроменъ, величавъ —
И свѣтлою звѣздой летаетъ надъ Сибирью
Тѣнь Ермака, и говоритъ потомокъ:
«Ермакъ Сибирью Русь святую подарилъ!

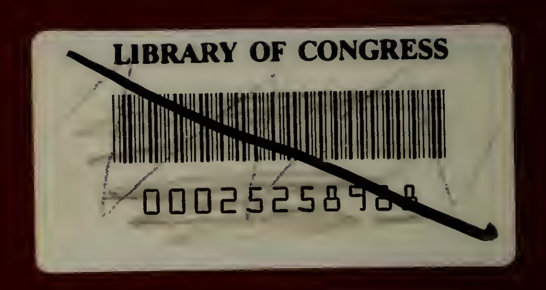
(Умолкаетъ въ восторгѣ).

═

W 24

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound

LIBRARY OF CONGRESS
00025258988